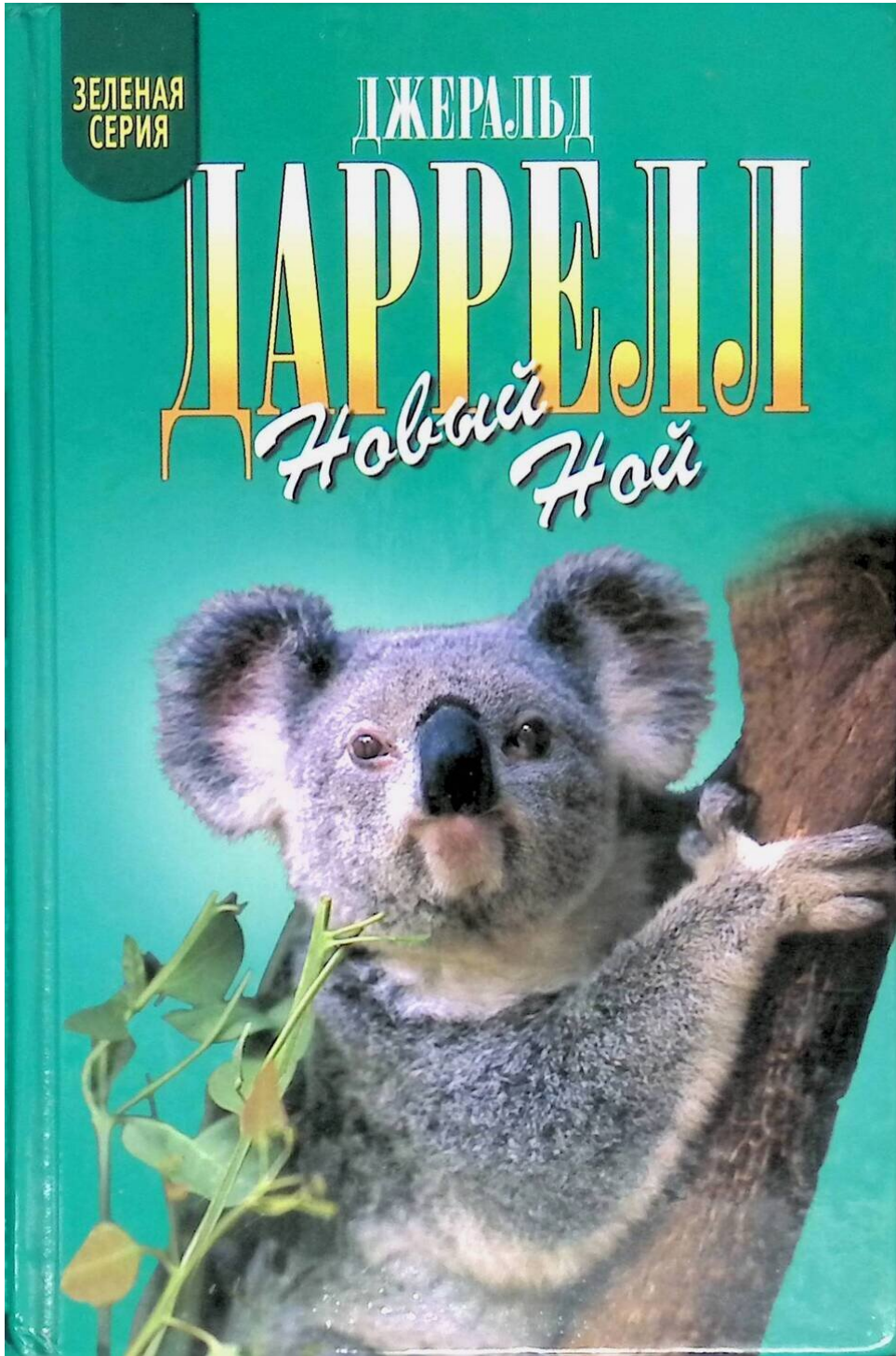

ЗЕЛЕНАЯ
СЕРИЯ

ДЖЕРАЛЬД

ДАРРЕЛЛ

*Новый
Ной*

Annotation

Книга известного английского писателя и биолога Джеральда Даррела рассказывает о том, как благодаря усилиям энтузиастов и самого автора создавался зоопарк на острове Джерси вблизи британского побережья.

- [Джеральд Даррел. Новый Ной](#)
 -
 - [ВСТУПЛЕНИЕ](#)
 - [Часть первая](#)
 - [Глава первая,](#)
 - [Глава вторая,](#)
 - [Глава третья,](#)
 - [Глава четвертая,](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая,](#)
 - [Глава седьмая,](#)
 - [Глава восьмая,](#)
 - [Часть вторая](#)
 - [Глава девятая,](#)
 - [Глава десятая](#)
 - [Глава одиннадцатая,](#)
 - [Глава двенадцатая,](#)
 - [Глава тринадцатая,](#)
 - [Глава четырнадцатая](#)
 - [Часть третья](#)
 - [Глава пятнадцатая,](#)
 - [Глава шестнадцатая,](#)
 - [Глава семнадцатая](#)
 - [Примечания](#)
 -
-

Джеральд Даррел. Новый Ной

Джеральд Даррел

Новый Ной

*Посвящаю эту книгу моей племяннице
Сапфо Джейн, моему племяннику
Джеральду Мартину и Дэвиду Николасу.*

ВСТУПЛЕНИЕ

Наверное, не много найдется людей, которым ни разу в жизни не довелось побывать в зоопарке. Когда же у посетителя зоопарка разбегаются глаза при виде множества разнообразных животных, он нередко задается вопросом: а как же они сюда попадают?

Что ж! Попробую рассказать о своем ремесле ловца и собирателя. Откуда берутся самые что ни на есть экзотические звери? Правильно, из самых что ни на есть экзотических земель и стран. Значит, если кто-то хочет иметь в своем зоопарке необычных животных, мне нужно съездить за тридевять земель, где таковые обитают, и доставить их целыми и невредимыми в зоопарк. Эта моя книжка как раз и повествует о трех экспедициях за редкостными представителями фауны в разные части света. Я постарался показать, как трудно, но необыкновенно захватывающе избранное мной занятие.

Многие и представить себе не могут всех тягот и забот любой экспедиции, счастливым итогом которой являются диковинные птицы и звери, за созерцание коих посетители отдают свои кровные. Вопрос, который мне обычно задают в первую очередь: что побудило меня посвятить себя столь странному ремеслу? И всякий раз я отвечаю: "Сколько я себя помню, я всегда интересовался животными и зоопарками".

Моим родителям запомнилось, что первое слово, которое я произнес более или менее четко, было не банальное "мама" или "папа", а "Zoo"⁽¹⁾. Я повторял его так настойчиво, что кто-то из них и в самом деле взял меня в зоопарк, только бы заставить замолчать. Когда я чуть подрос и жил с семьей в Греции, у меня было великое множество любимцев – от сов до морских

коньков. Беспечные золотые часы детства я тратил, исследуя окрестности в поисках новых зверюшек и птиц для своей коллекции. Потом, уже будучи студентом, я проходил годичную практику в зоопарке Уипснейд. Здесь моими подопечными были куда более крупные создания: львы, медведи, бизон и страус. Таких в домашний живой уголок не упрячешь! Когда практика закончилась, я сосчитал заработанные деньги – как раз хватило, чтобы организовать первую экспедицию. С тех пор я выезжаю регулярно.

Не скажу, что ремесло собирателя – легкое дело: порою тебя подстерегают такие разочарования, что начинаешь задумываться: не бросить ли все? Но в этой книжке я постараюсь рассказать не только о горечи разочарований, но и о радости, заключающейся главным образом не в поимке животных, а в возможности наблюдать их в естественной среде обитания. Тех, кто любит животных и странствия, это дело захватывает целиком.

Часть первая
ПОИСКИ И НАХОДКИ В
БРИТАНСКОМ КАМЕРУНЕ

Глава первая, В КОТОРОЙ Я СОСТЯЖАЮСЬ В ПЕРЕТЯГИВАНИИ КАНАТА С НИЛЬСКИМ ВАРАНОМ

Прежде чем отправляться в экспедицию, необходимо разузнать, в каких животных зоопарки испытывают потребность, и выяснить, где требуемые экземпляры обитают. Для поиска следует выбирать области, где встречаются не только эти, но и другие редкие виды. Зоологи и биологи, как правило, не располагают средствами для поездки в отдаленные уголки планеты, чтобы понаблюдать за редкими животными в их естественной среде обитания. Значит, заботясь об ученых, эти диковинные создания нужно отлавливать и доставлять в зоопарки.

Хочу обратить внимание читателя вот на какой момент. Крупные и более привычные виды представлены почти во всех зоологических коллекциях, и науке о них известно куда больше, нежели о мелких и редких. За ними-то я и отправился в экспедицию, о них и пойдет наш рассказ.

Нередко как раз мелкие животные оказывают большее влияние на жизнь человека, чем крупные. Уж какой, казалось бы, невзрачный зверек – обыкновенная домовая мышь, но что касается ущерба для двуногих, она сто очков вперед дает любой крупной твари. Вот почему в ходе экспедиций я решил сосредоточить внимание прежде всего на мелких видах. Для первой экспедиции я выбрал Британский Камерун⁽²⁾ – небольшой, практически забытый уголок Африки, сохранившийся почти в том первозданном виде, в каком он был до пришествия белого человека. Здесь, в глухих

лесах, омываемых тропическими ливнями, звери живут, как и тысячелетия назад.

Изучение диких видов, пока они не оказались под воздействием цивилизации, - вещь крайне ценная, потому что вмешательство человека приводит к колоссальным изменениям в жизни природы. Вырубка лесов, строительство городов, перекрытие рек плотинами и прокладка дорог сквозь джунгли приводят к тому, что обитающие в этих краях животные или вынуждены приспосабливаться к новым условиям, или обречены на вымирание.

В мои намерения входило выведать все, что только возможно, об обитателях тропических лесов и привезти, если удастся, крупную и разнообразную коллекцию мелких представителей фауны, которых африканцы на ломаном английском называют "мелкий скот".

Британский Камерун представляет собою узкую полосу территории, зажатую между Нигерией и Французской Западной Африкой. Здесь произрастают те же густые влажные леса, что и в Конго.

Когда я впервые попал в этот благословенный уголок земли, меня поразили богатство красок и колоссальные размеры деревьев. Взору предстали листья всех мыслимых оттенков зеленого и красного - от цвета бутылочного стекла до желтовато-зеленого и от розового до малинового. Кроны деревьев возносились на высоту в двести и триста футов, а стволы были точно фабричные трубы; массивные ветви, украшенные цветами и огромными ползучими растениями, прогибались под тяжестью листьев.

Я высадился в небольшом порту Виктория и намеревался провести здесь с неделю, готовясь к путешествию в глубь страны. Прежде чем приступить непосредственно к ловле животных, необходимо было переделать массу дел: нанять поваров и прислугу из африканцев, закупить разных припасов и еще

множество других мелочей. Кроме того, предстояло выхлопотать разрешение на отлов животных, потому что дикая природа здесь находится под строжайшей охраной и без правительственных лицензий нельзя ни убивать, ни отлавливать животных и птиц. Наконец все было преодолено. Я нанял грузовик, сложил в него провиант и оборудование – и в путь. В то время в глубь территории вела только одна дорога, и если отъехать на три сотни миль от побережья, то попадешь в деревню Мамфе на берегу реки Кросс. Эту деревню я и выбрал для своего базового лагеря.

Почва здесь красная, похожа на девонширскую, и оттого дорога, что петляет среди холмов, тоже красного цвета. С обеих сторон ее обступают могучие деревья, и из окна машины я видел россыпи сверкающих пичужек, кормящихся среди ветвей или пьющих цветочный нектар; стаи крупных птиц, похожих на гигантских сорок, лакомившихся дикими фидами; порой шум мотора вспугивал птиц-носорогов, и они неслись над дорогой, с пронзительным свистом махая крыльями и скорбно крича.

В невысоком подлеске у самой дороги суеилось множество ящериц-агам. Эти юркие создания почти такие же яркие, как птицы: у самцов ярко-оранжевые головки, тела раскрашены голубым, серебряным, красным и черным, а самки розовые, в зеленых яблоках. У этих рептилий странная привычка кивать головкой, и забавно смотреть, как они носятся, носятся друг за другом и вдруг останавливаются и начинают кивать. Почти столь же многочисленны, как и ящерицы, крошечные зимородки – размером мельче воробья, с яркими синими спинками, оранжевыми грудками и красными, словно коралл, клювами и ножками. В отличие от английского зимородка, эти крошечные птицы питаются саранчой, кузнечиками и другими насекомыми. Они стаями располагаются на

телеграфных проводах или стволах умерших деревьев вдоль дороги, зорко всматриваясь в кусты и траву. Вдруг то одна, то другая камнем падает вниз – и выпархивает оттуда с зажатым в клюве кузнечиком почти с себя ростом.

Через три дня я достиг Мамфе. Я не случайно выбрал именно эту деревню. Когда собираешься за редкими животными, место для базового лагеря следует подбирать тщательно. С одной стороны, он должен располагаться не очень далеко от какого-нибудь очага цивилизации, где можно достать консервы, гвозди, проволоку для клеток и прочие необходимые вещи; и поблизости от дороги, чтобы, когда придет время, подогнать туда грузовики за добытыми животными. С другой стороны, в облюбованном вами районе не должно быть слишком много крестьянских хозяйств, так как большое число людей неизбежно отпугнет диких животных. Деревня Мамфе оказалась превосходным местом, и в одной миле от нее, на поляне у реки, я разбил специально купленный шатер, которому в течение ближайших шести месяцев предстояло служить убежищем мне и моим зверям.

Но я не мог приступить к отлову животных, пока жизнь в лагере не будет отлажена. Нужно было соорудить клетки и загоны, пробурить скважины, построить хижины с крышами из пальмовых листьев для нанятых мною африканцев. Необходимо также обеспечить бесперебойное снабжение продовольствием и водой – ведь если у тебя двести или триста животных и птиц, то даже подумать страшно, сколько им требуется в день еды и питья. Кроме того, успех дела в немалой степени зависит от умения завязать дружеские отношения с вождями здешних племен: покажешь им фотографии и рисунки животных, которых хотел бы заполучить, назовешь сумму вознаграждения, они по

возвращении в деревню расскажут обо всем своим соплеменникам – глядишь, и деревенские жители на много миль вокруг начинают помогать тебе в работе.

Наконец все было подготовлено, и множество пустых клеток в нетерпении ждали постояльцев. Теперь можно отправляться на ловлю диковинных животных, ради которых и был проделан весь этот неблизкий путь.

Как ловить? Единого правила тут нет. Все зависит от типа местности, в которой ты действуешь, и видов животных, за которыми охотишься. В Британском Камеруне я применял несколько методов, но наиболее успешным оказалось использование собак местных пород. Этим собакам надевают на шеи деревянные погремушки, так что, когда они скрываются в густом подлеске, по трескучему звуку легко определить, где они находятся, и при необходимости следовать за ними.

Один из самых волнующих эпизодов такой охоты произошел на горе Нда-Али, в двадцати милях от лагеря. Местные охотники поведали мне, что на ее склонах обитает черноногий мангуст – редкостный зверь, которого никогда не видели в Англии, и потому особо для меня желанный. Это очень крупный мангуст с молочно-белым телом и ногами цвета шоколада.

Я выехал на ловлю ранним утром в сопровождении четырех охотников и пяти собак довольно-таки жалкого вида. Слабым местом такой охоты является то, что собаке не объяснишь, какого именно зверя тебе хочется поймать, и она пускается в погоню за всяким живым существом, которое учует. В результате отправляешься за мангустом, а получаешь нечто совершенно другое и подчас неожиданное.

Так вышло и в тот памятный день. Мы уже с полчаса пробирались сквозь лесную чащу, когда собаки, напав на чей-то свежий след, с радостным тьяканьем рванулись вперед и звон их погремушек эхом отозвался среди деревьев. Мы, естественно, бросились за ними,

пытаясь настичь все удаляющийся перестук, и совсем уже выдохлись, когда бежавший первым охотник вдруг остановился и поднял руку. Тяжело дыша и напрягая слух, мы старались уловить исчезнувший звук, но вокруг стояла тишина.

Мы разбрелись по разным направлениям, раздумывая, куда же запропастилась собачья свора. Внезапно один из охотников что-то резко крикнул, и мы все бросились к нему. Тут до нас долетел шум струящейся воды. Я подбежал первым, и, пока мы ждали остальных, он объяснил, что если погоня привела собак на берег реки, то шум воды неизбежно заглушит звон погремушек. Так вот почему мы потеряли свору. Дойдя до реки, мы двинулись вверх по течению и вскоре достигли небольшого пенящегося водопада футов в двадцать высотой. Внизу громоздились огромные валуны, заросшие мхом и невысокой растительностью, а среди скал мы вдруг заметили хвосты наших псов, чье тьяканье перекрывалось шумом падающей воды. Тут мы в первый раз увидели, кого же они преследовали. Это был огромный нильский варан – колоссальная ящерица в шесть футов длиной, с огромным, похожим на кнут хвостом и мощными когтями. Он залег в глухой щели между скал, отгоняя собак своим могучим хвостом и злобно шипя, если те осмеливались подойти чересчур близко.

Мы уже хотели отозвать собак, когда одна из них – очевидно, самая глупая – бросилась вперед и мертвой хваткой вцепилась зверю в шею. В ответ варан цапнул ее за ухо и, изогнувшись, прижал к земле задними лапами, а мощными когтями разодрал шкуру на спине. Взыв от боли, собака отцепилась от его шеи и ретировалась, но зверь напоследок так хлестнул ее хвостом, что она кувырком покатила по скалам. Мы поспешно отозвали остальных собак и накрепко привязали к ближайшему дереву, после чего принялись

размышлять, как бы поймать эту гигантскую ящерицу, похожую на доисторическое чудовище, которая по-прежнему лежала среди скал и злобно шипела.

Мы попробовали было набросить на варана сеть, но она цеплялась краями за острые камни, и в конце концов мы отказались от этой затеи. Единственное, что пришло мне в голову, это забраться на скалу, под которой он лежал, и, пока кто-нибудь будет отвлекать его внимание, накинуть ему на шею петлю. Проинструктировав охотников, я взобрался по скользким скалам и очутился на высоте примерно шести футов над тем местом, где лежало чудовище. Я завязал скользящую петлю на длинной веревке и медленно спустил ее к рептилии. Последняя, по-видимому, проигнорировала как нависшую над нею веревку, так и стоявшую на скале человеческую фигуру, поэтому накинуть ей на шею петлю и слегка затянуть ее мне труда не составило.

Неприятности начались, когда я стал затягивать ту же. Я не догадался сделать ничего лучше, как обвязать другой конец веревки вокруг собственного колена. Как только варан почувствовал, что у него на шее затягивается петля, он рванулся вперед, словно ракета, и веревка потащила меня за собою. Катясь по скользкому склону, мокрому от брызг водопада, я отчаянно пытался уцепиться за что-нибудь, но уцепиться было не за что, и я плюхнулся чуть ли не на голову варану. Падая, я успел сообразить, что мой противник, до смерти напуганный моим, мягко говоря, внезапным появлением, не замедлит дать бой, а испытать на себе действие его могучих когтей мне почему-то не хотелось. Но, слава Богу, и не пришлось: варан был до того потрясен, что обратился в бегство, волоча за собой веревку, но далеко не ушел: как только он оказался на свободном от скал пространстве, туземцы набросили на него сеть. Забавно было

смотреть, как он в ней бьется и шипит. Мы тут же вытащили его, и я отправил одного из охотников с добычей назад, в лагерь. Поимка столь крупной рептилии, конечно, лестная награда для ловца, но я все-таки не за этим отправлялся в поход, так что мы продолжили свой путь сквозь чащу леса.

Вскоре собаки снова взяли след. И прямо скажем, на сей раз погоня оказалась куда более продолжительной и захватывающей, нежели охота за вараном. Зверь, которого мы преследовали, отчаянно несясь вниз по склону, а мы столь же отчаянно гнались за ним, перепрыгивая через обломки скал и скользя по ним, ежесекундно рискуя сломать себе ногу, а то и голову. Неожиданно зверь прынул в сторону и помчался вверх, и хотя сердца у нас ухали, как молоты, и взмокли мы, как мыши, никто не хотел упускать добычу. Погоня длилась три четверти часа, и в конце концов, следуя за стуком собачьих погремушек, мы очутились у поваленного дерева с огромным дуплом, вокруг которого и сгрудилась собачья свора. У дупла сидел крупный белый зверь с удивительной мордой, похожей на медвежью, и небольшими ушами. Он с выражением величайшего презрения глядел на рычащих и твякающих псов; заметив на носу у одного из них следы укуса, я понял, почему собаки держатся от этого странного зверя на почтительном расстоянии. Но когда черноногий мангуст увидел людей, он поспешил скрыться в дупле.

Мы отозвали собак и, накрыв дупло сетью, отправились посмотреть, нет ли из пустотелого ствола другого выхода. Поскольку такового не нашлось, мы не сомневались, что, если зверь решится выйти, он попадет прямехонько в сеть. Осталось только найти способ выкурить его наружу. К счастью, дерево оказалось настолько истлевшим и мягким, что с помощью одних только перочинных ножей нам удалось

прорезать в противоположном конце ствола дырку. Там мы развели небольшой костер, а когда огонь разгорелся, положили зеленых листьев, и вскоре едкий густой дым заполнил ствол. В течение какого-то времени оттуда доносился раздраженный кашель мангуста, но в конце концов дым стал для него невыносимым, и он шмыгнул из дупла прямо в сеть и забился в ней, лязгая зубами и ворча. Извлечь пленника из сети стоило нам немалых хлопот, не говоря уже о том, что он почти всех перекусал. Мы посадили зверя в прочную клетку и торжественно повезли в лагерь. Первые несколько дней он был совсем диким, и как только я приближался, бросался в атаку на прутья клетки; но, постепенно привыкнув к неволе, сделался совершенно ручным и через две-три недели преспокойно брал у меня из рук пищу и даже позволял почесать себя за ушами.

В горах Британского Камеруна густые тропические леса чередуются с лугами, обильно заросшими травой. Здесь наилучший результат давали расставленные сети, куда загоняли животных. Именно в этих лугах мне хотелось отловить гигантскую белку – самую крупную из обитающих в Камеруне, которая в два раза больше обычной английской белки. Эти животные встречаются также и в низинах, но там они обычно проводят время на самых высоких деревьях, лакомясь плодами и орехами, и очень редко спрыгивают на землю, так что поймать их практически невозможно. Здесь же они живут в узких полосах леса по берегам рек и ручьев, а утром и вечером спускаются в луга в поисках пищи. Охотники сказали мне, что знают один участок, изобилующий этими белками, и я решил попробовать половить их рано поутру, когда они спрыгнут в траву кормиться.

Мы выступили в поход около часа ночи и прибыли на место как раз перед зарею. Сети мы расставили на краю

леса полукругом, замаскировав их травой и ветками. Все это делалось в полной темноте и тишине, чтобы белки не догадались о нашем присутствии. Затем мы спрятались в больших кустах и стали терпеливо поджидать. Когда занялась заря, одежда наша была насквозь мокрой от росы. Климат в горах куда прохладнее, чем на равнинах, и к восходу солнца мы успели так продрогнуть, что стучали зубами от холода.

Наконец, когда над лугом поднялся густой утренний туман, мы услышали, как над нами в разных местах раздалось недовольно "чук-чук", и охотники шепнули мне, что это белки готовятся спуститься вниз на утреннюю трапезу. Всматриваясь сквозь листья в тот участок луга, где были расставлены наши сети, я вскоре заметил странный предмет, скачущий вверх-вниз. Он был черно-белым и походил на длинный воздушный шар. Если бы не охотники, я бы никогда не догадался, что это. Оказалось, это хвост белки, прячущей в траве все остальное. Скоро к одиноко скачущему хвосту добавилось еще несколько, а когда туман рассеялся, мы увидели и самих белок, то осторожно перепрыгивающих с кочки на кочку, то садящихся на огромные хвосты, раскрашенные в черную и белую полоску. Когда они оказались довольно далеко от деревьев, мы поднялись с корточек и развернулись в линию. Затем я дал сигнал, и мы медленно двинулись в направлении луга. Наше появление было встречено громким испуганным вхохлувающим хором – это заголосили белки, сидевшие сзади на деревьях. Те же, что скакали по земле, остановились и подозрительно вытаращили на нас глаза. Наш план был таков: медленно наступая, отогнать зверьков подальше от деревьев и подвести поближе к сетям, а затем, обратив в паническое бегство, загнать их туда; но было похоже, что он не сработает так, как мы наметили.

Одна из белок, оказавшаяся хитрее других, поняла наши намерения и, задав стрекача, обогнула линию охотников слева и скрылась в лесу. Другие сидели и наблюдали за ней, пребывая в нерешительности и соображая, следовать ее примеру или нет. Они находились еще за пределами территории, оцепленной сетями, и мы поняли, что если чуть-чуть промедлим, то белки догадаются удрать вслед за первой и нам не видать их как своих ушей. Мы двинулись вперед, вопя и размахивая руками, чтобы нагнать на них как можно больше страху. Белки ошарашенно глянули на нас и обратились в бегство.

Двум из этих бестий удалось-таки скрыться – одна удрала вправо, другая влево, но три бросились прямехонько в сеть и через пару секунд сбились в бесформенный клубок. Нам стоило огромных трудов выволить их оттуда – мало того, что они яростно фыркали, так еще искусили нам руки своими оранжевыми зубами. А такие изящные создания – с красно-коричневыми спинками, лимонно-желтыми брюшками и огромными закругленными хвостами в черно-белую полоску, каждое восемнадцать дюймов длиной. Теперь, когда оставшиеся на свободе белки поняли, что мы охотимся за ними, продолжать ловлю было бессмысленно, и пришлось довольствоваться тремя. Мы отнесли их в лагерь в сумках из прочного холста. Затем, пересадив в роскошную просторную клетку и снабдив щедрым пайком из овощей и фруктов, оставили их наконец в покое. Тщательно обследовав свое новое жилище, белки слопали за милую душу все, что им положили, и, свернувшись калачиком, уснули.

Я долго думал, почему этих белок называют крикуньями, и на следующее же утро получил ответ. На заре меня разбудил странный звук, доносившийся из клетки; я вылез из постели и обнаружил, что источником его являются белки, сидящие у проволочной

дверцы. Их позывные начинаются с негромкого гуда, подобного ветру, когда он гудит в телеграфных проводах; звук постепенно нарастает, в нем все сильнее звучат металлические ноты, пока он по тону не становится похожим на затихающий звук гонга. Белки оглашали этим криком мой шатер каждое утро и в течение целой недели будили меня ни свет ни заря, пока я не привык. Если учесть, что к ежеутренним концертам добавлялись ежевечерние, то поневоле задумаешься, не на свою ли голову ты поймал этих тварей.

Глава вторая, В КОТОРОЙ У МЕНЯ НА ПОПЕЧЕНИИ ОКАЗЫВАЮТСЯ КРОКОДИЛЯТА, КИСТЕХВОСТЫЕ ДИКОБРАЗЫ И ВСЕВОЗМОЖНЫЕ ЗМЕИ

Когда в результате ежедневных походов у меня собралась порядочная коллекция животных, я обнаружил, что времени для новых вылазок остается все меньше и меньше, так как мои питомцы требовали к себе все больше и больше внимания. Чтобы продолжать пополнение коллекции в прежнем темпе, оставалось одно: выходить на ловлю ночью.

Это, пожалуй, один из самых волнующих видов поиска. Вооруженная помимо обычного набора сумок, бутылок, ящиков и сетей еще и фонарями, наша команда выступала из лагеря сразу с наступлением темноты и двигалась медленным шагом, озаряя ярким светом нависавшие над нами ветви деревьев. Если меж них таился какой-нибудь зверь, его глаза, в которых отражался свет, сверкали среди листвы, словно диковинные самоцветы. Этот метод ловли и в самом деле оказался очень успешным: ты встречаешь столько животных, которых никогда не увидел бы в дневное время, потому что, следуя своему образу жизни, они выходят охотиться и кормиться только ночью, а днем спят в норах и гнездах. Но отыскать в ветвях или в траве – это еще полдела, самое трудное – их поймать.

Как ни странно, среди животных, которые легче других даются в руки ловцу, оказались крокодилята. Эти рептилии обитают в небольших мелких ручьях и речушках, пересекающих лес крест-накрест. Ночью они выползают на миниатюрные отмели и залегают там в

ожидании, что какая-нибудь неразумная тварь придет к ручью напиться – тут-то они ее и схватят.

В поисках этих созданий мы шли по течению ручьев, иногда по пояс в воде, освещая себе путь фонарями. Вдруг неожиданно с отмели сверкнул два горящих уголька. Я осторожно подхожу, направляя свет прямо в глаза крокодиленку, чтобы он не смог меня заметить, наклоняюсь... и раз – прижимаю его к земле рогулькой, вроде той, с которой ходят на змей. Многие из этих животных имеют всего от восемнадцати дюймов до двух футов в длину, но иногда встречались и покрупнее – до четырех футов и более. Когда прижимаешь их к земле, они принимаются бить хвостами и рычать, как львы, пытаюсь вырваться и скрыться под водой. Пересаживая такого зверя в ящик, необходимо внимательно следить не только за пастью, но и за хвостом, поскольку одним ударом он способен переломить руку. А то могут пуститься и на такую хитрость – лежат себе смирнехонько и преспокойно дают себя взять, а потом неожиданно извернутся и так саданут тебя хвостом, что волей-неволей разожмешь руку и выпустишь добычу обратно в ручей. Наученные горьким опытом, мы взяли за правило не поднимать крокодила с земли иначе, как крепко зажав ему шею и хвост.

Один из самых трудных и драматичных походов я совершил, когда находился в небольшой деревушке Эшоби. Мы бродили почти всю ночь без особого успеха, пока один охотник не предложил отправиться к известной ему отвесной скале со множеством пещер. Мы решили, что уж там-то точно скрывается какая-нибудь живность, и, двинувшись в указанном направлении, вскоре вышли к реке, которую нужно было перейти вброд. Мы брели по пояс в холодной воде и уже добрались до середины, когда шедший позади меня охотник включил фонарь и – о ужас! – обнаружил,

что река кишит водяными змеями, снующими туда и сюда; иные, вытянув из воды шеи, похожие на перископы, смотрели на нас блестящими глазами. Эти змеи не были ядовиты (хотя, если их раздражить, могут цапнуть будь здоров), но африканцы убеждены, что все змеи ядовиты, и относятся к любому виду с величайшей осторожностью. Бедный охотник, застигнутый врасплох на середине реки, решил, что на него ниспосланы чуть ли не все водяные змеи, какие только есть в Камеруне; издав дикий крик, он бросился к берегу, но бежать по пояс в воде оказалось не так-то просто – течение сбило его с ног, и он плюхнулся в воду, утопив все снаряжение, которое нес на голове. Напуганные шумом, водяные змеи тут же скрылись под водой. Когда бедняга снова поднялся на ноги, вздыхая и что-то бессвязно бормоча, товарищи бросились расспрашивать его, что случилось; услышав, что река полна змей, они зажгли фонари, но не обнаружили ни одной. После недолгих споров мне удалось убедить охотников постоять спокойно на середине реки с потушенными фонарями. Простояв так около получаса, мы снова зажгли их и опять увидели себя в окружении змей, точно вытканых своими телами серебристые узоры на поверхности воды. С помощью сачков на длинных рукоятках мы отловили четыре-пять; как они ни бились и ни извивались, а оказались в наших мешках. Затем мы продолжили свой путь.

Достигнув скалы, мы убедились, что она и в самом деле изрезана пещерами различных форм и размеров, что делало ее похожей на медовые соты; входы в них заслоняли кучи камней и невысокий подлесок. Мы поделили скалу на участки, и каждый взялся обследовать свой, ища, чем здесь можно поживиться.

С надеждой на успех я продвигался среди скал, светя фонарем туда и сюда, и вдруг увидел, как из кустов выскочило существо странной формы и,

мелькнув передо мной, юркнуло в небольшую пещеру. Я ринулся вперед и, став на колени перед входом, осветил туда, но ничего не увидел. В ширину вход в пещеру был почти с дверной проем, но в высоту едва достигал двух футов. Чтобы добраться до скрывшегося в пещере зверя, мне пришлось ползти на брюхе, держа фонарь в зубах. Это было в высшей степени неудобно, тем более что пол пещеры был усыпан острыми обломками скал, поэтому продвижение вперед оказалось медленным и болезненным.

Я увидел, что проход заканчивается небольшим круглым помещением, из которого новый проход вел дальше вглубь. Я прополз и по этому коридору и обнаружил, что и он заканчивается подобным помещением, только гораздо меньших размеров. Посветив вокруг, я услышал два глухих вдоха, за которыми последовало шуршание, скорее похожее на хрип. Пока я соображал, откуда исходит этот странный звук, хрип повторился, и некое существо, выскочив из мрака, выбило у меня из руки фонарь и бросилось наутек; мне показалось, что в запястье вонзилось полсотни иголок. Подобрал фонарь, я увидел, что оно так исколото и исцарапано, будто я со всего размаху сунул руку в куст ежевики.

Вползая в коридор, по которому удрал таинственный агрессор, я снова осветил вокруг и скоро обнаружил противника. Это был взрослый кистехвостый дикобраз. У этих диковинных животных задняя часть покрыта длинными острыми иглами, а голый хвост заканчивается чем-то вроде кисти из иголок, похожей на колос пшеницы; если этой кистью потрясти, то и раздастся тот самый хриплый шуршащий звук, что я слышал в самом начале. Дикобраз повернулся ко мне спиной, растопырил иглы, искоса глянул вытаращенными злобными глазками и предупреждающе затопал лапой. Я решил, что без

риска для себя схватить его можно только за одну часть тела, а именно за хвост. Тщательно обернув руку холщовым мешком, я подполз ближе и цапнул его как раз чуть выше устрашающего пучка иголок. Пытаясь бежать, он рванулся назад, и колючки прошли сквозь холст, как нож сквозь масло. Тем не менее я превозмог боль и попытался натянуть зверю на голову мешок, который держал в другой руке. Но я был так зажат в узком коридоре, что успешное манипулирование мешком оказалось невозможным. С каждым движением мне в тело впивались все новые иглы, и в конце концов животное бросилось мне на грудь. Того, что пережил я, одетый лишь в тонкую рубашку, я и врагу не пожелаю.

Я решил, что лучше всего попытаться вытащить дикобраза из пещеры и там уже сунуть его в мешок. Крепко ухватив упирающегося злюку за хвост, я пополз назад, осторожно волоча его за собой. Казалось, прошли часы, прежде чем я очутился на свежем воздухе; мой пленник, похоже, утратил всякую волю к сопротивлению и вел себя совсем смиренно. Я кликнул охотников и с их помощью запихал добычу в мешок. Дорого же мне пришлось заплатить за поимку – я был с ног до головы исколот, покрыт синяками и царапинами.

При сборе своей коллекции я испробовал множество методов. Можно, например, разместить в разных уголках леса ловушки, но делать это нужно со знанием дела, потому что большинство лесных животных имеют свою четко обозначенную территорию, черту которой редко переступают. Они обычно строго следуют привычному маршруту – по тропинкам ли, по кронам деревьев, – и если ты поставил ловушки в стороне от него, более чем вероятно, что животные туда никогда не попадутся. Многие считают, что в больших лесах звери бегают, куда им заблагорассудится, но это не так: каждое выбирает для себя подходящую территорию и обосновывается на ней. Иногда это большие участки, но

иногда они на удивление малы, почти как клетка в зоопарке. Главное – было бы достать еды, питья, удобное и безопасное место для сна. А чего еще надо? От добра добра не ищут.

Бытует мнение, будто ловля диких животных неизменно сопряжена с большой опасностью, а уж поиски их ночью в лесу – настоящее безумство. В действительности же глубины леса не столь опасны, причем в ночное время не больше, чем днем. Приходите сами и убедитесь, что дикие звери, услышав ваше приближение, жаждут только одного – уйти с вашего пути и избежать нежелательной для них встречи. Они нападут лишь в том случае, если вы загоните их в угол, и трудно их за это винить. Но вообще-то все лесные твари, не исключая змей, ведут себя весьма корректно, только бы их оставили в покое. В общем, отлов диких животных – не такая уж страшная штука: вернее, степень опасности зависит от вашей самонадеянности. Другими словами, идя на глупый риск, не сожалейте потом о последствиях. Случается, конечно, и так, что в критический момент вы ставите себя под удар, не сознавая этого, и только потом ужасаетесь собственной глупости.

Направляясь второй раз в Западную Африку, я познакомился на борту судна с молодым парнем, который ехал на банановую плантацию. Он признался, что единственное, чего действительно боится, так это змей. Я объяснил, что змеи, как правило, стремятся избежать встречи с человеком, к тому же их не так много, и едва ли ему суждено будет близко познакомиться с ними. Мой рассказ, видимо, настолько воодушевил его, что он даже пообещал достать несколько экземпляров для моей коллекции. Я поблагодарил его и тут же позабыл об этом разговоре.

...Собрав коллекцию, я ехал по побережью туда, где намеревался сесть на корабль. До отплытия оставалась

всего одна ночь, как вдруг на машине примчался мой случайный попутчик. Он был крайне взволнован и сообщил, что наконец отыскал обещанное: на банановой плантации, где он работал, оказалась яма, полная змей, и все они будут моими, если я отправлюсь вместе с ним и извлеку их оттуда. Не дав себе труда расспросить, что же это за яма, я согласился, и мы поехали. Прибыв в его бунгало, я обнаружил, что там собралось немало желающих глазеть, как я ловлю змей.

Перед столь ответственным мероприятием всей компанией решили пропустить по маленькой. Вижу – мой приятель что-то ищет; как выяснилось, кусок веревки. Я поинтересовался, зачем она ему понадобилась, и был немало удивлен ответом – оказывается, чтобы спустить меня в змеиную яму! Вот тут-то я впервые и задал вопрос: что же это за яма такая?

Ее размеры превзошли мои самые смелые предположения. Яма, похожая на большую могилу, имела примерно двадцать футов в длину, три в ширину и минимум десять в глубину. Я поспешно объяснил, что для ловли змей в такой яме нужен фонарь, которого я не догадался захватить. Ни у кого из всей компании фонаря, как ни странно, не нашлось, но мой приятель нашел-таки выход: он привязал к концу веревки большую керосиновую лампу, чтобы опустить ее вместе со мной. Я не возражал, тем более что, по его словам, она светит лучше любого фонаря. В этом он оказался прав.

Взяв все необходимое, мы побрели по освещенной лунным светом банановой плантации к знаменитой яме, и я тешил себя надеждой, что змеи, ее населяющие, по счастливой случайности окажутся каким-нибудь безобидным видом. Но лишь только я спустил туда лампу, я увидел, что яма кишит детенышами габонской гадюки – едва ли не самой коварной змеи во всей

Западной Африке. Гаденыши были явно взбудоражены нашим вторжением – поднимая головы, похожие на наконечники копий, они злобно шипели.

Коль скоро мне не дано было предугадать, что придется спускаться в глубокую яму, кишашую ядовитыми гадами, то и одет я был неподобающим образом. Брюки из тонкой материи и сандалии, конечно, никак не могли защитить от дюймового жала габонской гадюки. Я объяснил это своему приятелю, и он великодушно одолжил мне брюки и башмаки, оказавшиеся достаточно прочными. А поскольку все мои требования были исчерпаны, меня обвязали вокруг пояса веревкой и начали спускать.

Вскоре оказалось, что мои помощники и зрители завязали на веревке скользящий узел, и чем ниже я спускался, тем туже затягивалась веревка, так что дышать стало почти невозможно. Когда до дна оставалось совсем чуть-чуть, я крикнул, чтобы спуск приостановили, – хотел удостовериться, что в точке моего приземления змей нет. Удостоверившись, я дал сигнал спускать дальше, и тут произошли две неприятные вещи. Во-первых, перед началом операции все так волновались, что никто не догадался подлить в лампу керосина, и в самый ответственный момент свет погас. Во-вторых, размер башмаков, которые мне любезно одолжили, значительно превышал мой собственный, и один сразу слетел. Вообразите, каково мне было в темноте на глубине десяти футов, на одной ноге, окруженному семью-восемью разъяренными гадюками, – никогда в жизни я не испытывал такого страха! Я стоял, боясь пошевелиться, пока мои ассистенты вытащили лампу, долили ее, зажгли и снова спустили мне. Я тут же бросился отыскивать второй башмак.

Но вот наконец я обут и при лампе. Тут я совсем расхрабрился и приступил к ловле змей. По сравнению с

тем, что уже пришлось пережить, это оказались сущие пустяки. Рогулькой я придавливал гадюку к земле, а затем хватал за шейку и бросал в специальный змеиный мешок. Правда, приходилось следить, чтобы, пока ловишь одну змею, другая не подползла сзади и не устроилась у тебя под башмаком. К счастью, обошлось без трагических происшествий, и за полчаса я наловил восемь габонских гадюк; решив, что хорошенького понемножку, я дал знак вытаскивать меня из ямы.

После этой истории я и пришел к выводу, что при ловле животных степень опасности прямо пропорциональна вашей глупости. Это, пожалуй, главный итог той памятной ночи.

Глава третья, В КОТОРОЙ ГЛАВНУЮ РОЛЬ ИГРАЮТ ПОРОСЯТА ПАФФ И БЛОУ

Наш базовый лагерь походил на цирк, неведомым образом очутившийся в лесу. Это сходство еще усилилось, когда он начал заполняться животными. По одну сторону шатра шла череда клеток, в которых я держал всякую "мелочь" – мышей, мангустов и прочих.

В первой клетке жили два славных отпрыска рыжей речной свиньи, которых я назвал Пафф и Блоу. Более обаятельных малышей трудно себе представить. Взрослая речная (она же кистеухая) свинья – пожалуй, самая изящная и колоритная из своего не слишком грациозного семейства. У нее ярко-рыжая шкура, а вдоль спины и шеи – гривка из чисто белой шерсти. На кончиках длинных пятнистых ушей – такие же белые кисточки. Впрочем, Пафф и Блоу, как и все поросята, были полосатыми – сливочные полосы на шоколадном фоне. Когда они носились по загону, то походили на маленьких толстеньких ос.

Первым в лагере появился Пафф. В одно прекрасное утро к нам пришел местный охотник с плетеной корзиной на голове. В ней совсем крохотный поросенок. Вид у него был печальный, и я выяснил почему: вот уже два дня, с тех пор как его поймали, он ничего не ел; согласитесь, что в таком положении даже самая гордая свинья повесит пяточок. Охотник пытался кормить пленника бананами, но бедняга был еще слишком мал для такой пищи. Ему хотелось молочка, и чем больше, тем лучше. Расплатившись с охотником, я достал большую бутылку, наболтал в ней молока с сахаром и, взяв поросенка на колени, попытался покормить. Он

был размером с пекинеса, с крошечными копытами и парой маленьких, но весьма острых клыков, которые я вскоре почувствовал у себя в боку.

Детеныш, естественно, никогда не видел бутылочки и отнесся к ней с большим подозрением. Когда я попытался всунуть ему соску, он решил, что я изобрел для него какую-то изощренную пытку. Он вопил, больно лягался копытцами и пытался ударить меня своими миниатюрными клыками. После равной борьбы, длившейся приблизительно пять минут, мы оба оказались так перепачканы молоком, будто нас в нем выкупали; но, как говорится, по клыкам текло, а в рот не попало.

Я снова наполнил бутылку и, крепко зажав свинтуса между коленями, одной рукой открыл ему пасть, а другой попытался влить в глотку немного молока. Поросенок так жутко визжал, что всякий раз, когда мне это удавалось, он тут же выплевывал молоко обратно. Наконец несколько капель все же просочилось внутрь, и судя по тому, что он перестал вырываться и вопить, он почувствовал его вкус. Более того, принялся облизываться и довольно похрюкивать. Я дал ему еще немного – он высосал молоко с жадностью, а потом так присосался, что оторвать его было невозможно; брюшко у него становилось все больше и больше. Наконец, когда в бутылке не осталось ни капли, он отпустил соску, издал долгий вздох удовлетворения и устроился спать прямо у меня на коленях, храпя так, будто гудел целый рой пчел.

Теперь за него можно было не беспокоиться, а несколько дней спустя он вовсе потерял страх перед людьми. Едва завидя, что я приближаюсь к загону, он принимался радостно хрюкать, подбегал к прутьям и переворачивался на спину, чтобы я почесал ему брюшко. Когда наступало обеденное время и в поле его зрения попадала желанная бутылка, он высовывал

пяточок наружу и поднимал такой визг, будто его всю жизнь держали на голодном пайке.

Через две недели у Паффа появилась подружка по имени Блоу. Она тоже была поймана в лесу охотником-африканцем и тоже энергично протестовала против пленения. Охотник с добычей еще только направлялся ко мне, а я уже понял, кого он несет. Я посадил ее в соседнюю с Паффом клетку, поскольку боялся, что она, будучи крупнее Паффа, станет обижать его.

Пафф отреагировал на появление гостьи обычным истошным визгом. Она же, увидев себе подобного, наоборот, перестала вопить и подошла рассмотреть его поближе. Они радовались встрече, словно давно не видавшиеся брат и сестра. Я же, умиленный тем, как они тянут сквозь прутья пяточки, решил посадить их в одну клетку.

Давно бы так! Поросята бросились навстречу друг другу и взволнованно друг друга обнюхали. Громко захрюкав, Пафф ткнул Блоу пяточком в ребра. Та, хрюкнув в ответ, пустилась скакать по клетке. Какая веселая началась погоня! Пафф гонялся за Блоу по кругу; она то убегала от него, то бежала рядом, пока игра в догонялки не утомила обоих и они не завалились спать на банановые листья, храпя так, что дрожала вся клетка.

Вскоре Блоу научилась пить из бутылки не хуже Паффа, но поскольку она была старше, в ее меню включалось и кое-что посущественней. Каждый день, когда поросята выпивали свое молоко, я ставил в клетку поднос с мягкими фруктами и овощами, и Блоу все утро развлекалась тем, что мечтательно рылась в них. Паффу это очень не нравилось, и виной тому было отнюдь не свинское поведение Блоу за обедом. Он был еще слишком юн и не мог есть твердую пищу, но понять этого почему-то не хотел и очень обижался, что его подружке дают фрукты, а ему нет. Чувствуя некую

ущербность, он, скорчив недовольную мину и что-то сердито бурча себе под нос, стоял и безотрывно наблюдал за тем, как она ест. Порой он пытался оттеснить ее от подноса, толкая пяточком; тогда Блоу прерывала свои мечтания среди раздавленных бананов и, сердито визжа, отгоняла его в противоположный конец клетки. Чем больше времени проводила Блоу у подноса с фруктами, тем больше злился Пафф.

Наконец ему пришла в голову мысль, что самый простой способ получить добавку – это пососать хвост у подружки. Возможно, он чем-то напомнил ему соску, но, так или иначе, поросенок решил, что, если долго сосать, что-нибудь да высосешь. Теперь каждый день, когда, пофыркивая, Блоу рылась во фруктах, Пафф безмятежно сосал ее хвост. Пока он просто сосал, она не обращала никакого внимания, но когда он, раздраженный, что желанное молоко так долго не появляется, пускал в ход свои маленькие острые клыки, Блоу разворачивалась, била его копытом под ребра, прогоняла в противоположный конец клетки и, сердито ворча, возвращалась к еде. Кончилось тем, что я вынужден был их разлучить: Пафф с таким энтузиазмом сосал хвост у Блоу, что на нем совсем не осталось шерсти. За время разлуки хвост обрел свой первоначальный вид, а Пафф научился есть твердую пищу.

По неведомым мне причинам Блоу оказалась куда трусливее Паффа. Поняв это, он не упускал случая поугаить ее. То прятался за ограждением, а когда Блоу проходила мимо, неожиданно выпрыгивал из своего убежища, то притворялся спящим и вдруг с громким хрюканьем вскакивал на ноги. Однажды он так напугал ее, что она упала на поднос с едой и вылезла оттуда, благоухая бананами и манго.

Пафф выдумал оригинальную шутку, которую любил разыгрывать по утрам, когда я вычищал клетку. После

уборки я насыпал в углу кучу сухих банановых листьев – вместо постели. Пафф тут же зарывался в нее с головой и терпеливо, иногда до получаса, ждал, пока Блоу не выйдет на поиски. Тут-то он и выскакивал с диким визгом из кучи и гнал ее через весь загон. Это повторялось иногда трижды за утро, но бедняжка Блоу, похоже, не извлекала для себя никаких уроков. Всякий раз, когда он, словно полосатая ракета, вылетал из-под кучи, она убегала что есть мочи, очевидно думая, что на нее напал леопард или кто-нибудь в этом роде. Так они целый день гоняли друг друга и устраивали всякие фокусы, а к концу дня так изматывались, что сил у них оставалось только на ужин. Иногда они так с соской и засыпали, и мне приходилось их будить, чтобы они допили молоко. После этого, сонно ворча, они зарывались в свои листья и храпели в унисон всю ночь.

Как раз в тот час, когда засыпали хрюшки, пробуждались обитатели соседней с ними клетки. Это были лемуры из рода галаго – крохотные создания размером с новорожденного котенка, чем-то напоминающие сову, чем-то белку, но с примесью обезьянки. У них густая мягкая серая шерстка и длинные пушистые хвосты. Руки и ноги похожи на обезьяньи, а огромные золотые глаза сходны с совиными. Целый день эти зверюшки спят, свернувшись калачиком, а с заходом солнца просыпаются и высовываются из своей спаленки, сонно позевывая и глядя на все удивленными глазами. Потом, по-прежнему зевая и потягиваясь, они медленно выходят в клетку, садятся в кружок и принимаются умываться и чиститься.

А это, скажу я вам, занятное представление. Они начинают с кончиков хвостов и медленно продвигаются дальше, разглаживая и расчесывая длинными когтистыми пальчиками каждую складку своей шубки. Затем, удовлетворенно оглядев друг друга золотыми

сияющими глазами, они приступают к другому занятию – вечерним упражнениям. Сидя на задних ногах, они вытягиваются, насколько могут, неожиданно подпрыгивают, делая в воздухе сальто, и приземляются с поворотом на сто восемьдесят градусов. Размявшись, лемуры начинают скакать по веткам, носиться по кругу и таскать друг друга за хвосты, нагуливая таким образом аппетит для завтрака, который, понятно, бывает у них в ужин. Наконец они садятся у дверцы, с нетерпением ожидая, когда же я принесу им поесть.

Обычно меню лемуров состоит из мелко нарезанных фруктов, к которым прилагается миска подслащенного молока. На десерт я припасую банку с их излюбленным кушаньем – кузнечиками. Я открываю дверцу и бросаю в клетку горсть сопротивляющихся насекомых. Операцию нужно произвести в считанные доли секунды, чтобы кузнечики не разбежались. Сразу после этого клетка оглашается радостным писком – кузнечики скачут во всех направлениях, а галаго, у которых от волнения глаза буквально вылезают из орбит, бешено носятся по клетке, ловя насекомых и запихивая их в рот. Когда рот и оба кулака оказываются полными, они с ворчанием и чавканьем начинают торопливо есть, продолжая при этом следить за тем, куда разбегаются не пойманные еще кузнечики, чтобы другим, не дай Бог, не досталось больше. Покончив с первой порцией, галаго вновь начинают свою бешеную погоню, и в скором времени в клетке не остается ни одного живого кузнечика, только кое-где валяются оторванные крылья и ножки. Но лемуры, похоже, не верят, что добычи больше нет, и еще целый час носятся как угорелые, всматриваясь в каждую щель.

По вечерам я всегда чистил им клетку, заменяя грязную траву свежей. Галаго любили, чтобы в клетке была куча зелени, – им нравилось играть со стеблями и охотиться за воображаемыми насекомыми, которые, по

их убеждению, могли там прятаться. Однажды вечером я, как всегда, положил в клетку травы, а вместе с ней совершенно случайно - похожий на календулу золотистый цветок на длинном стебле. Спустя какое-то время я обнаружил, что один из лемуров сидит на задних лапах с цветком в руке, медленно откусывая и съедая лепестки. Когда последний лепесток был съеден, лемур выбросил пушистую сердцевину; другой немедленно подхватил ее и принялся с ней играть. Сперва он подбрасывал ее в воздух и ловил, затем загонял в угол и "убивал", словно кузнечика, проделывая это столь реалистично, что один из его товарищей подумал, будто там и вправду кузнечик, и отправился на разведку. Схватив цветок в зубы, первый галаго пустился наутек, два других - за ним, и вот уже на полу образовалась куча мала. Цветок, конечно, разодрали на мелкие кусочки, но с тех пор я каждый вечер клал им два-три похожих. Съев лепестки, они принимались играть с тем, что осталось, не то в прятки, не то в догонялки.

Наблюдая за играми лемуров, я не переставал восхищаться скоростью и ловкостью их движений. Но по-настоящему оценить их ловкость и скорость я смог лишь тогда, когда однажды вечером зверек улизнул.

Галаго только что закончили трапезу, и я убирал пустые миски, как вдруг один из них шмыгнул через приоткрытую дверцу прямо мне на руки, добежал до плеча и прыгнул на крышу клетки. Я попытался схватить его за кончик хвоста, но он отскочил, словно резиновый мячик, и повис на самом краю крыши, наблюдая за мной. Я осторожно приблизился, но только сделал резкое движение, пытаясь схватить зверька, как он снова удрал от меня. Он взлетел, словно перышко, на высоту восьми футов на опорный столб шатра и повис там как приклеенный. Я полез за ним; играя со мной в кошки-мышки, чертенок дал мне приблизиться, но

затем неожиданно, используя мое плечо вместо трамплина, перескочил на крышу другой клетки. Так я гонялся за ним добрых полчаса. Я взмок и устал, а зверек все больше входил во вкус. Поймать его мне удалось только чудом. Он прыгнул на кучу старых ящиков, а оттуда на москитную сеть над моей постелью, очевидно сочтя ее чем-то твердым. Куда там! Сеть провисла, и вот он уже в ней забился! Прежде чем он выпутался, я уже сгреб его. С тех пор я открывал клетку галаго с величайшей осторожностью.

Глава четвертая, В КОТОРОЙ МЕНЯ ЗДОРОВО ПОКУСАЛИ БАНДИТЫ

Если бы вы прошли мимо соседней с галаго клеткой и услышали доносящиеся оттуда жуткие звуки, то непременно сочли бы, что там находится, по меньшей мере, пара тигров или других не менее свирепых и страшных животных. Рычание, визги и хрипы в сочетании с ворчаньем и урчаньем слышались оттуда в любое время суток. Виновниками этого ужасного шума были, однако, не тигры и не львы, а три маленьких, чуть побольше морской свинки, зверька вроде мангустов. Но при малом своем росте они были куда шkodливее всех остальных моих питомцев, вместе взятых, за что я совершенно справедливо окрестил их Бандитами.

Когда они попали ко мне, глаза у них только что прорезались, и каждый был размером с небольшую крысу. У них была рыжеватая, сильно свалявшаяся шкурка и розовые, будто вырезанные из школьного ластика, носики, которыми они с любопытством обнюхивали все, что попадалось у них на пути. Выкармливать их оказалось непростым занятием: они были еще слишком малы, чтобы пить из бутылки, и мне приходилось обертывать вокруг палки вату, окунать в молоко и так поить. А выпивали они куда больше, чем любой известный мне детеныш, так что представьте себе, какая с ними была морока.

Но это было еще полбеды. Как только у них стал полон рот зубов, с ними и хлопот стало полон рот. Они оказались такими жадными, что вцеплялись бульдожьей хваткой в вату, и никакими силами их нельзя было оторвать, чтобы вновь окунуть ее в молоко.

Часто они просто стаскивали вату с палки и пытались проглотить. Тогда приходилось доставать ее из глоток пальцами, тем самым спасая малышей от смерти. Само собой разумеется, для них это была крайне неприятная операция – от сунутых в глотку пальцев их рвало, и процедуру кормления приходилось начинать сначала.

Обзаведясь крошечными зубками, малыши стали бравыми и дерзкими и все время пытались сунуть нос куда не следует. Сначала я держал их в корзине подле своей кровати, чтобы легче было кормить их ночью. Крышка у этой корзины закрывалась ненадежно, и Бандиты так и норовили вылезти и обследовать лагерь целиком. Это меня очень беспокоило, потому что в лагере находилось множество опасных животных, а Бандитам, похоже, страх был неведом, и они могли с одинаковой легкостью проникнуть и в клетку с обезьянами, и в ящик со змеями. Они беспрестанно занимались поисками пищи, и все, что оказывалось у них на пути, неизменно испытывало на себе воздействие их зубов. А вдруг обнаружится какое-нибудь неведомое доселе лакомство?

Однажды, выбравшись из корзины без моего ведома, они отправились вдоль обезьяньих клеток в поисках, чем бы поживиться. А у меня тогда была обезьяна с очень длинным шелковистым хвостом, который составлял предмет ее гордости. Она проводила целые часы, холя и лелея его, чтобы на нем, как и на всей блестящей шкурке, не было ни единого пятнышка. И надо было случиться, что как раз в то время, когда мои разбойники разгуливали на воле, она принимала солнечные ванны, лежа на полу клетки, а ее драгоценный хвост высунулся наружу.

Один из них увидел на своем пути хвост, счел его ничейным и решил попробовать на вкус. Двое других, позавидовав столь соблазнительной находке своего товарища, тут же подскочили и последовали его

примеру. Насмерть перепуганная владелица хвоста с ужасным криком кинулась наверх, но это не остановило непрошенных гостей: они продолжали висеть у нее на хвосте, и чем выше обезьяна забиралась, тем выше поднимались и Бандиты. Когда я прибыл на место происшествия, отважная троица находилась на высоте примерно одного фута над землей; вцепившись зубами в обезьяний хвост, они вращались на нем то по часовой стрелке, то против. Пришлось дыхнуть на них табачным дымом, чтобы они раскашлялись и отцепились.

Вскоре после этого случая Бандиты сыграли схожую шутку и со мной. Каждое утро, покормив их завтраком, я позволял им шататься вокруг моей кровати, да и по ней тоже, пока мне не будет подан чай. Они имели привычку тщательно обследовать постель, перехрюкиваясь и перевизгиваясь, бегая туда-сюда и суя свои длинные розовые носы во все складки, чтобы разведать, не спрятано ли там что-нибудь вкусненькое.

В то роковое утро я лежал и дремал, а Бандиты тем временем совершили восхождение на кровать и затеяли возню на одеяле. Вдруг я почувствовал невыносимую боль в ноге. Я вскочил – и что же вижу? Оказывается, один из Бандитов разнюхал мой палец и решил, что это тот самый лакомый кусок, который я от него спрятал. Он старался запихнуть палец как можно глубже в рот и жадно жевал его, довольно урча. Не в силах вынести такое издевательство, я схватил гаденыша за хвост и заставил его отцепиться, что он и сделал с большой неохотой.

Со временем Бандитам стало тесно в корзине, и я пересадил их в клетку. Да и не было уже такой корзины, которая выдержала бы их острые зубки. К тому времени они научились есть с блюда – в их меню входили сырые яйца и мелко крошенное мясо, перемешанное все с тем же молоком. Я построил для них весьма изящную клетку, которая пришлась им по

душе. В углу было место для спанья, а остальная площадь служила для игр и принятия пищи. Две дверцы делили клетку на три части. Я надеялся, что после переселения проблем с ними больше не будет, но оказалось, что я ошибся. Осталась проблема, как их кормить.

Клетки с животными стояли в несколько ярусов; их клетка находилась на самом верху, достаточно высоко над землей. Как только они замечали, что я приближаюсь с едой, они принимались визжать во всю мочь и собирались у дверцы, просовывая сквозь прутья длинные розовые носики. Мысль о пище их так волновала и каждый так стремился первым до нее дорваться, что, как только я открывал дверцу, они с криками и воплями вырывались наружу и выбивали у меня из рук блюдо, которое падало на землю и с треском разбивалось. Я дважды позволил им такое, надеясь, что в третий раз подобное не повторится. Как бы не так! Они как ни в чем не бывало выстрелили наружу, словно ракеты. Очередное блюдо слетело на землю, а следом, отчаянно хрюкая и кусая друг друга, выскочили и сами виновники скандала. Мне пришлось ловить их, водворять обратно в клетку и готовить новую порцию. При этом нужно было соблюдать величайшую осторожность, потому что в ожидании еды они становятся невменяемы и готовы кусать все и вся, что находится в пределах досягаемости.

В конце концов мне эта процедура надоела, и я разработал хитрый план. Теперь, когда я, как обычно, подходил к их клетке с блюдом, а они, как всегда, собирались около дверцы, кто-нибудь заходил с другой стороны и стучался в другую дверцу. Заслышав это, зверьки бросались к противоположному концу клетки, думая, что стол им сервировали именно там. Таким образом, на несколько секунд плацдарм оказывался очищенным от врага, и мне надо было успеть открыть

дверцу, поставить в клетку блюдо и вынуть руку, пока они не вернулись, поняв, что их провели. О том, что случилось бы, если бы я не успел вынуть руку, думаю, догадаться несложно.

Эти мелкие создания кусали и царапали меня, пожалуй, больше, чем любые другие твари, попадавшие ко мне в коллекцию. Но при всем том они доставляли и большую радость. Я знал, что они кусаются отнюдь не из-за своего дурного нрава, а просто потому, что принимают мои руки за кусок еды. Порою они выводили меня из себя и я думал, что хорошо бы поскорее передать их в зоопарк – пусть кусают кого-нибудь другого, кто будет за ними ухаживать! Но когда дело действительно дошло до этого, мне стало очень грустно. Взглянув на них уже в зоопарке, я даже засомневался, они ли это – так мило и славно возились они в опилках и вертели своими глупенькими носиками. Когда я подошел к клетке попрощаться, они выглядели такими тихонями и скромниками, что я решил напоследок погладить их по головке. Плохо же я знал своих подопечных! Тут же вместо образцовых пай-деток передо мной предстали прежние Бандиты, и не успел я вынуть палец, как они вцепились в него всей троицей. Я насилу от них отделался и, отойдя от клетки и вытирая кровь платком, подумал: "Как же все-таки хорошо, что возиться с этими бандюгами теперь придется кому-нибудь другому!"

Глава пятая

ПОЛСТА МАРТЫШЕК - ОДИН Я

Ко мне в лагерь заходили немало гостей - и европейцев, и африканцев. Всем было интересно посмотреть на диких обитателей. Среди них не последнюю роль играли, конечно, обезьяны, которых у меня насчитывалось до полусотни, и все разные! Не думайте, что жить под одной крышей с этими, пусть и милыми, существами легко - так намахешься, что уже никто не мил. Из всех моих обезьян больше всего запомнились три: усатая по имени Футл, рыжеголовый мангобей Уикс и шимпанзе Чолмондли.

Когда Футл появился в лагере, он был самой миниатюрной обезьянкой, какую я когда-либо видел, - если не брать в расчет его длиннущего хвоста, он свободно уместился бы в кофейной чашке, да еще и место осталось. Шерстка у него была необычного зеленого оттенка, а на груди - роскошная белая манишка. Голова, как и у большинства детенышей обезьян, казалась несоразмерно большой по сравнению с крошечным тельцем; на зеленоватом фоне выделялись ярко-желтые, как масло, щеки. Но больше всего в его расцветке удивляла широкая белая полоса, проходившая по верхней губе и создававшая впечатление усов. Ничего себе - у крошечной обезьянки усищи, как у Санта-Клауса! В первые дни Футл жил вместе с другими детенышами в корзине подле моей постели, и я поил его молоком из бутылочки, которая была почти вдвое больше его самого. Когда я приносил ее, он бросался к ней с радостным визгом, обнимал ее, хватал соску ртом, и, пока не высасывал все до конца, никакими силами нельзя было его оторвать. Он даже не позволял, чтобы я держал бутылку, - видимо, из боязни,

что придется поделиться со мной. Когда он катался по постели, обхватив свое сокровище, можно было подумать, что это два борца разных весовых категорий сцепились в неравной схватке. То наверху оказывался он, то бутылка, но независимо от того, кто побеждал, Футл сосал молоко с одинаковой жадностью, и его белые усищи старательно двигались вверх и вниз.

Он был очень умненькой обезьянкой и быстро научился пить из блюдца, но как только освоился с этим, его манеры поведения за обедом стали невыносимыми. Видя, что я подхожу с блюдцем, он впадал в раж: возбужденно прыгал туда-сюда и орал не своим голосом. Как только блюдце с едой оказывалось на столе, он без колебаний нырял туда вниз головой, поднимая целый фонтан молочных брызг, и показывался на поверхности только для того, чтобы набрать воздуха. После каждой еды требовалось минимум полчаса, чтобы его высушить, и неясно было, что же ему нравилось больше – пить молоко или купаться в нем.

Я решил, что так дольше продолжаться не может: ведь кормить его нужно пять раз в день, а коль скоро каждая кормежка сопровождается купанием, то я испугался, как бы он в конце концов не схватил воспаление легких. Я подумал, что поскольку моего подопечного возбуждает вид приближающегося молока, то, может быть, сперва на стол ставить блюдце и лишь затем подносить к нему Футла.

Настало время опробовать этот способ в действии. Едва завидев еду, мой нахаленок издал победный клич, вывернулся у меня из рук, сделал в воздухе сальто и с плеском приземлился точно в молоко. Блюдце перевернулось, и мы оба опять оказались мокрые с головы до ног.

После этого я пробовал придерживать его во время кормления. Он отчаянно извивался и визжал, досадуя,

что ему не дают нырнуть в молоко, как в бассейн, и иногда ему удавалось осуществить свою мечту. Но, как правило, метод срабатывал неплохо, и обезьянка оставалась относительно сухой, не считая, разумеется, ее мордашки, которая по окончании кормежки оказывалась совершенно белой, так что невозможно было понять, где у него начинаются усы и где кончаются.

Если мой друг не был занят едой, он обязательно на чем-нибудь висел, чаще всего на мне. Обычно в этом возрасте детеныши обезьяны виснут на мягкой шкуре матери, пока она лазит по деревьям, а поскольку я стал для Футла приемной матерью, он решил, что имеет полное право висеть на мне, пока я работаю. Прямо скажем, он выглядел таким паинькой, когда сидел у меня на плече и держался за ухо! Но однажды он так расхрабрился, что спрыгнул и повис на клетке, где обитала крупная и свирепая обезьяна, которая тут же схватила его за хвост. Если бы я не оказался рядом, это было бы его последним приключением.

Поняв, сколь рискованно таскать звереныша на плече, я начал оставлять его в корзине, но он выглядел таким несчастным и так душераздирающе плакал, пытаюсь выбраться, что пришлось придумывать что-нибудь другое. Я достал свою старую куртку и походил в ней несколько дней, как всегда, нося его на плече. Убедившись, что он к ней привык, я просто вешал куртку на стул, а моего нахаленка – на куртку. Детеныш повисал на ней с прежней охотой, видимо не осознавая, что меня внутри уже нет. Может быть, он думал, что куртка – это часть меня самого, что-то вроде шкуры, а ему, в сущности, было все равно, на какой части моего тела зависнуть, он чувствовал себя одинаково счастливо! Даже когда он пытался о чем-то разговаривать со мной на своем певучем языке, ему и в

голову не приходило отцепиться от куртки и попробовать прыгнуть мне на плечо.

Впрочем, когда мы прибыли в Ливерпуль, Футл вволю насиделся на мне, позируя фотографам. А те не переставали умиляться – никому из них не доводилось прежде видеть такую крошечную обезьянку. Один репортер, долго наблюдавший за Футлом, обернулся ко мне и заметил:

– Как вам это нравится?! Молоко на губах не обсохло, а какие усищи отрастил!

Уикс, рыжеголовой мангобей, получил такую кличку из-за своего крика. Стоило подойти к его клетке, как он тут же начинал вопить не своим голосом: "Уикс! Уикс!" Он был благородного серого цвета, только полоска вокруг шеи и макушка белые, а голова – цвета красного дерева. Мордашка у него была темно-серая, а веки очень светлые, и, когда, желая поприветствовать вас, он внезапно поднимал брови и моргал, казалось, будто глаза закрываются белыми ставнями.

Уиксу было очень тоскливо одному в клетке – не с кем поиграть! Увы, другой обезьяны такой же породы у нас не было, но он этого не понимал и дулся на меня за то, что я не пускаю его к остальным. В конце концов решил, что, как только я отвернусь, нужно попробовать улизнуть.

Обнаружив между досками небольшую щель, он принялся старательно работать пальцами и зубами, пытаясь расширить ее. Дерево оказалось очень прочным, и ценою колоссальных усилий ему удалось отодрать лишь небольшую щепку. Вообще-то я не спускал с этой щели глаз – мало ли что! – но он-то этого не знал и вел себя так, будто мне ничего не известно. Он часами кусал и царапал дерево, но, услышав мои шаги, прыгал на жердочку и, закрыв глазки и выставив напоказ белые веки, сидел с самым невинным видом, пытаясь убедить меня, что если какая-то из

находящихся в лагере обезьян и повинна в каком-нибудь грехе, то уж никак не он.

Я не стал заделывать дыру в клетке Уикса с расчетом, что, удостоверившись в прочности дерева, он откажется от своей затеи. Ничуть не бывало! Это занятие так увлекло его, что он использовал любой удобный момент. Но я всегда заставлял его беззаботно сидящим на жердочке, и, если бы не несколько щепок, приклеившихся к шерсти у него на подбородке, никто и не подумал бы, что он замышляет побег. И вот однажды я решил застать его врасплох.

Я притащил своему пленнику миску с молоком и ушел к другим животным, оставив его в уверенности, что снова появлюсь не ранее чем через час. Освежившись напитком, он занялся стенкой. Я дал ему время окунуться в работу с головой, а затем тихонько пополз вдоль клеток. Сидя на корточках, Уикс с кислой миной пытался отодрать обеими руками огромную щепку, но та никак не поддавалась. Бедняга тянул изо всех сил, разъярясь все больше и больше и корча самые страшные гримасы. Как только он наклонился вперед посмотреть, нельзя ли просто откусить злополучную щепку, я спросил строгим голосом:

– Что это ты делаешь, безобразник, а?

Он вскочил будто ужаленный и глянул через плечо испуганно и виновато. Я повторил свой вопрос, и Уикс, едва заметно улыбнувшись, опустил свои белые веки. Убедившись, что меня этим не разжалобишь, он как бы в полусне отпустил щепку и, схватив пустую миску, прыгнул на жердочку. Похоже, он был до того смущен, что накрыл лицо миской, но не удержался и свалился на дно клетки. Тут я не выдержал и расхохотался, и безобразник решил, что прощен. Он вновь забрался на жердочку, напялив миску на голову, словно шлем, но опять не удержался. На сей раз он больно ударился

головой и, подползая к прутьям, держался за них, пока не пришел в себя.

Теперь, осознав, что мне все известно, он перестал таиться и работал в открытую. Если я журил его, он повторял свой излюбленный трюк - прыгал на жердочку, надевал на голову миску-шлем и шмякался вниз. Я хохотал, а он принимал это за знак прощения и снова принимался за работу. Впрочем, я из предосторожности прибил к обратной стороне кусок проволоки, и когда он это открыл, то страшно разозлился, поняв, что проволоку ему не осилить. Тогда он скрепя сердце оставил мысли о побеге, но не забыл своего трюка, повторяя его всякий раз, когда я на него сердился.

Глава шестая, В КОТОРОЙ МНЕ ЗАДАЕТ ЖАРУ ШИМПАНЗЕ ПО ИМЕНИ ЧОЛМОНДЕЛИ

Когда шимпанзе по имени Чолмондели попал в нашу компанию, он сразу стал некоронованным королем – благодаря не только размерам, но и необыкновенной сообразительности. Чолмондели был любимцем одного местного чиновника, который, желая отправить обезьяну в Лондонский зоопарк и узнав, что я собираю диких животных и вскоре отбуду в Англию, написал мне письмо, где спрашивал, не захочу ли я взять его питомца с собой. Я ответил, что, поскольку у меня уже имеется крупная коллекция обезьян, лишней шимпанзе не помешает и я буду рад доставить его в Лондон.

Я думал, это будет молоденький шимпанзе примерно двух лет от роду и фута два ростом. То, что я увидел, повергло меня в шок. Однажды утром к лагерю подъехал небольшой фургон с огромной деревянной клетью, в которой поместился бы даже слон. Шофер объяснил мне, что там и есть Чолмондели. "Какой же идиот посылает молодого шимпанзе в такой клетки?" – подумал я и открыл дверцу.

"Детеныш" оказался здоровенным громилой восьми-девяти лет. Сидя в темном углу, он казался вдвое больше меня. По морде его было ясно, что поездка была не из приятных. Впрочем, прежде чем я успел захлопнуть дверь, Чолмондели своей огромной волосатой лапой схватил меня за руку и тепло пожал ее. Затем он повернулся и, подобрав цепь (один конец которой был прикреплен к его ошейнику), элегантно вылез из клетки. Несколько мгновений он постоял, с

большим интересом осматривая лагерь, затем, вопросительно глядя на меня, протянул мне лапу. Так, взявшись за руки, мы вошли в шатер.

Там Чолмондели тут же уселся на один из стоявших около стола стульев, бросил на землю цепь, откинулся назад и скрестил ноги. Некоторое время он оглядывал шатер с весьма презрительным выражением, но, очевидно решив, что тут будет неплохо, снова посмотрел на меня вопрошающим взглядом. Видимо, он хотел, чтобы я угостил его чем-нибудь после столь утомительного путешествия. Меня предупреждали, что он страстный любитель чая, так что я вызвал повара и распорядился поставить чай, а сам отправился осмотреть клеть, в которой привезли моего гостя. Там я обнаружил огромную и порядком избитую жестяную кружку, которой Чолмондели несказанно обрадовался и даже похвалил меня за сообразительность, издав несколько радостных "ху-ху".

Пока мы ждали чай, я сел напротив и зажег сигарету. К моему удивлению, он разволновался и через весь стол протянул ко мне свою лапищу. Гадая, что же он собирается делать, я дал ему пачку. Он открыл ее, вынул сигарету и зажал между губами. Потом снова протянул ко мне лапу, и я дал ему спички. К моему изумлению, он достал спичку, зажег ее, прикурил и бросил коробок на стол. Развалившись на стуле, он пускал дым, как самый заядлый курильщик. О том, что Чолмондели курит, мне не сообщал никто. Я испугался, не водятся ли за ним еще более дурные привычки, о которых меня не предупреждал его прежний хозяин.

Как раз в этот момент подали чай, на что Чолмондели отреагировал громкими и выразительными возгласами радости. Пока я наливал ему в кружку молоко и добавлял чай, он пристально наблюдал за мной. Мне рассказывали, что он страшный сластена, поэтому я насыпал ему целых шесть ложек сахара; он

довольно заурчал. Затем положил сигарету на стол, схватил кружку, осторожно выпятил нижнюю губу и погрузил ее в чай, чтобы убедиться, что он не слишком горячий. Чай был едва теплый, но шимпанзе принялся энергично дуть на него, пока тот совсем не остыл, и выпил кружку залпом. Допив последние капли, он указательным пальцем выскреб из кружки сахар. Чайная церемония завершилась тем, что он повесил себе кружку на нос и так сидел минут пять, пока весь оставшийся сахар не стек ему в рот.

Я поставил клеть Чолмондели на некотором расстоянии от шатра, а конец цепи прибил к толстому стволу дерева. Так, подумал я, он не будет особо досаждать ни мне, ни другим обитателям лагеря, но сможет наблюдать за всем, что происходит, и переговариваться со мной на своем таинственном языке "ху-ху". Но в первый же день своего пребывания в лагере Чолмондели задал мне жару.

Возле шатра у меня содержались с десятков маленьких ручных обезьян, привязанных за веревки к вбитым в землю колышкам. Я соорудил им для защиты от солнца навес из пальмовых листьев. Осматриваясь вокруг, Чолмондели, естественно, наткнулся на этих обезьян. Одни малютки ели фрукты, другие мирно спали на солнышке, не подозревая, что их ожидает. А случилось вот что: моему молодчику захотелось поиграть в боулинг⁽³⁾, все равно чем.

Я работал в шатре, когда внезапно до меня донесся крик, которого я не слышал никогда прежде. Это вопили мои обезьянки, и я тут же выскочил посмотреть, что случилось. Оказывается, Чолмондели, подобрав булыжник размером с кочан капусты, пустил его по мартышкам, как шар по кеглям. К счастью, он не попал ни в одну из них, зато перепугал до смерти.

Как только я появился, Чолмондели подобрал другой булыжник и уже занес лапу назад, как профессиональный игрок, выбирая цель. Он был явно раздосадован, что прошлый раз промазал. Я схватил прут, с криком бросился к нему и от души ударил. К моему удивлению, Чолмондели бросил камень, накрыл лапами голову и принялся кататься по земле и вопить. Ну, это он валял дурака: в спешке я схватил такой чахлый прутик, что он его и не почувствовал на своей могучей и широкой, как стол, спине.

Еще пару раз стегнув его, я устроил ему разнос. Он сел и с виноватым видом отряхнул со шкуры обрывки листьев. С помощью африканцев я убрал все находившиеся в пределах его досягаемости камни и, устроив для профилактики еще одну выволочку, возвратился к работе. Но надежды на то, что оргмеры окажут на него какое-то воздействие, оказались напрасными: выглянув из шатра, я увидел, что он самозабвенно роет землю – не иначе как в поисках метательного оружия...

К моему огорчению, вскоре после приезда в лагерь Чолмондели заболел. Почти две недели он отказывался от пищи, от самых соблазнительных фруктов и деликатесов и даже – слыханное ли дело? – от ежедневной порции чая. Несколько глотков воды – вот все, что он принимал за день. Он все больше худел, глаза у него впали, и я забеспокоился, что он умрет. Он потерял всякий интерес к жизни и целыми днями лежал с закрытыми глазами в своей клетке. По вечерам, когда становилось достаточно прохладно, я выводил его на прогулки. Конечно, они не могли быть долгими – Чолмондели так ослаб, что после нескольких ярдов ему приходилось отдыхать.

Однажды я взял с собой на прогулку его любимое печенье. Мы медленно поднялись на вершину невысокого холма, что располагался вблизи лагеря, и

уселись полюбоваться открывающимся с него видом. Пока мы отдыхали, я вынул из кармана одно печенье и, облизываясь от удовольствия, съел его. Чолмондели удивленно посмотрел на меня, ибо знал, что я всегда делю с ним еду, когда мы выходим гулять вместе. Я съел еще одно печенье, а он смотрел мне в рот, словно желая понять, так ли оно мне нравится, как первое. Удостоверившись, что это печенье мне понравилось не меньше, он сунул лапу в карман, вынул одну штучку, высокомерно обнюхал и, к моему изумлению, слопал, а потом полез в карман снова. Я понял, что ему становится лучше. На следующее утро он выдул полную кружку сладкого чая и сожрал целых семнадцать штук печенья, а через три дня уже ел как обычно. В следующие две недели аппетит его вырос вдвое, так что я почти разорился на бананах.

Чолмондели ненавидел только две вещи: во-первых, африканцев, во-вторых, змей. Может быть, африканцы сильно дразнили его, когда он был маленьким, но только свою нелюбовь к чернокожему племени он демонстрировал не раз. Забьется в клетку и поджидает, пока какой-нибудь африканец не пойдет мимо, а завидя бедолагу, вскакивает, шерсть дыбом, размахивает руками и орет благим матом. А уж если чернокожая толстушка имела несчастье пройти мимо с корзиной фруктов на голове, тут только держись: он входил в такой раж, что бедняжке ничего не оставалось, как бросить корзину, подобрать юбки и задать стрекача, коли жизнь дорога. Герой же принимался лихо отплясывать с видом победителя, гремя цепью, ухая и радостно скаля зубы. Со змеями у него той отваги не было. Завидев меня со змеей в руках, он начинал странно размахивать руками, словно хотел сказать: "Чур, чур меня!" - и вопил от страха. Если же я клал рептилию на землю и она ползла в его сторону, он удирал, насколько позволяла цепь, громко звал на

помощь и швырял в змею палки и комья земли, чтобы не дать ей подползти поближе.

Однажды вечером, когда я, как обычно, собирался запереть его в клетки, он, к моему удивлению, наотрез отказался туда идти. Там была приготовлена мягкая постель из банановых листьев, и я решил, что он просто валяет дурака. Но когда я напустился на него с упреками, он взял меня за руку, повел в клетку, а сам осторожно ретировался и стал обеспокоенно наблюдать за мной. Я понял, что в клетки находится что-то для него страшное, и, тщательно обследовав ее, обнаружил крошечную змейку, свернувшуюся как раз посреди подстилки. Она была совсем не опасна, но обезьяне-то этого не объяснишь: на моего подопечного любая змея наводила страх.

Чолмондели быстро научился разным трюкам и постоянно горел желанием их продемонстрировать, так что, когда мы вернулись в Англию, он приобрел большую известность и даже несколько раз выступал по телевидению. Публика приходила в восторг от того, как он, развалившись в кресле и надев шляпу, доставал сигарету и сам прикуривал, как наливал себе пива, и от многого другого. Похоже, успехи так вскружили ему голову, что вскоре он удрал из зоопарка и отправился гулять по Ридгнент-парку, наводя ужас на встречных. Дойдя до проезжей части, он увидел стоящий автобус и ловко влез в дверь – он так любил кататься! Однако пассажиры были явно не в восторге от перспективы поездки с таким спутником и в панике бросились к выходу. К счастью, тут подоспели служители зоопарка и схватили Чолмондели. Грустно шагал он обратно в клетку, но я бы на его месте решил, что вид испуганных пассажиров, в панике протискивающихся к дверям и застревающих в них, стоит любых полученных за эту проделку разносов и колотушек. Да, чувство юмора у моего друга было явно не на высоте!

Глава седьмая, В КОТОРОЙ Я СТАЛКИВАЮСЬ С ПРОБЛЕМАМИ ВОЛОСАТЫХ ЛЯГУШЕК, ЧЕРЕПАХ И ДРУГИХ ЗВЕРЕЙ

Отлов диких животных – обычно, хотя и не всегда, – самая простая часть экспедиции. Заполучив необходимые экземпляры, нужно позаботиться, чтобы они были живы-здоровы, а это, как правило, нелегко. Животные по-разному реагируют на неволю, и порой даже представители одного и того же вида ведут себя совершенно по-разному.

Однажды я купил у охотника двух детенышей мандрила. Мандрилы – это крупные павианы с зеленоватой шерстью и красными ягодицами; их можно увидеть во многих зоопарках. Оба детеныша неплохо прижились у меня, и скоро я заметил, что по привычкам они сильно отличаются друг от друга. Например, когда им давали бананы, один тщательно очищал плод и съедал сердцевину, выбрасывая шкурку, а другой, столь же тщательно очистив банан, съедал как раз шкурку, а сердцевину выбрасывал.

Одной из важнейших статей обезьяньего рациона являлось молоко, которое я выдавал им каждый вечер. В большой жестянке из-под керосина я разводил горячей водой порошковое молоко, распускал в нем несколько таблеток, содержащих кальций, добавлял несколько ложек солода и рыбьего жира – и питье готово; по цвету оно напоминало слабый кофе. Большинство детенышей выпивали его залпом и буквально сходили с ума, видя, как в назначенное время я подхожу к ним с кружками. Они трясли прутья клеток,

вопили, возбужденно топали ногами, пока я разливал им молоко. Однако взрослых обезьян трудно было приучить к этой странной бледно-бурой жидкости. Не знаю почему, но они явно относились к ней с подозрением.

Иногда, чтобы добиться желаемого, я разворачивал клетку, и вновь пойманная обезьяна видела, как другие с жадностью, вплоть до икоты, расправляются с содержимым своих кружек; тогда и новенькая задумывалась над тем, что, может быть, непонятный напиток все же заслуживает внимания. Попробовав его, она уже не могла оторваться. Но иногда попадалась такая упрямец, которая, хоть и наблюдала за соседями с интересом, сама наотрез отказывалась попробовать. Я решил, что в этом случае единственная возможность – плеснуть содержимое кружки обезьяне на руки. Всем известно, какие они чистюли, – обезьяна тут же примется слизывать липкую жидкость и, убедившись, как она вкусно пахнет и приятна на вкус, охотно все выпьет.

Большинство животных кормить довольно просто, если знаешь, что они едят на воле. Хищников, например мангустов и диких котов, можно кормить козлятиной, говядиной, сырыми яйцами, добавляя в рацион молоко. Но важно, чтобы животные получали достаточно грубой пищи. Когда они убивают свою добычу, они съедают ее вместе со шкурой и костями. Если в неволе они этого не имеют, то вскоре заболевают и гибнут. У меня имелась корзина, полная перьев и шерсти, и прежде чем давать мангустам козлятину или говядину, я непременно вываливал во всем этом куски мяса.

С той же проблемой я столкнулся и при кормлении хищных птиц. Совы, например, съедают мышь, а через некоторое время срыгивают кости и шкурку в форме овального мячика. Если вы держите сов в неволе, следите за тем, чтобы такие мячики появлялись

регулярно, – это признак хорошего самочувствия. Однажды, когда у меня на попечении были совята, а я не мог добыть грубой пищи, пришлось заворачивать кусочки мяса в вату и совать в вечно разинутые клювы. К моему удивлению, затея удалась, и совята отрывали шарики из ваты в течение нескольких недель, так что стало казаться, будто вся клетка у них усыпана снежками.

Больше всего хлопот доставляют те животные, которые в дикой природе живут на очень ограниченной диете. Таковы, например, обитающие в Западной Африке панголины, или ящеры, – крупные существа с длинными пятнистыми носами и большими хвостами, при помощи которых они висят на деревьях. Эти диковинные животные покрыты крупными чешуйками, что делает их похожими на ожившие шишки. На воле они питаются исключительно древесными муравьями, и в Африке снабжать их излюбленным лакомством было нетрудно, но как же прокормят гурманов в Англии? Вот и приходится приучать животных к заменителям, доступным в тех зоопарках, для которых они предназначены.

Я предложил своему панголину смесь из сгущенного молока без сахара, мелко накрошенного сырого мяса и сырых яиц. Надо сказать, что панголины – исключительно глупые животные, и на то, чтобы научить их есть новую пищу, уходит несколько недель. В первые дни пребывания в неволе они обычно просто-напросто переворачивают миску, если не закрепить ее намертво.

Одним из моих наиболее трудных питомцев оказалось чрезвычайно редкое животное – выдровая землеройка. Это существо черного цвета, с длинным телом, белыми усами и диковинным голым хвостом, похожим на хвост головастика. Обитает она в лесных речках с быстрым течением в Западной Африке. Как и у

панголинов, у нее очень строгая диета: она питается только крупными пресноводными крабами. Поэтому первые два-три дня, пока она не освоилась и не привыкла к клетке, пришлось кормить ее исключительно этим деликатесом.

Но потом встал вопрос о новой диете. На местном рынке я купил в огромном количестве сухие креветки, которые аборигены употребляют в пищу, покрошил их, добавил сырое яйцо и фарш. Потом взял крупного свежего краба, разъединил его панцирь надвое, выскреб содержимое, начинил приготовленной смесью, склеил обе половины и, дождавшись, пока моя дуреха всерьез проголодается, бросил ей этого "фальшивого зайца", точнее, фальшивого краба в клетку. Она набросилась на него, раскусила в два приема, как обычного краба, а затем принялась подозрительно обнюхивать: очевидно, вкус был не тот, к которому она привыкла. Наконец она решилась откусить кусочек. Надо полагать, "краб" показался ей соблазнительным, ибо она с жадностью съела все до конца. Так в течение нескольких недель я подавал ей к обеду как настоящих крабов, так и фальшивых, пока она окончательно не привыкла к новой пище. Потом я решился на еще более смелый опыт - положил в горшочек смесь, а сверху - краба. Раскусив его, землеройка обнаружила, что еда есть не только в нем, но и под ним. Пары дней оказалось достаточно, чтобы приучить ее кушать из горшочка.

Когда мне приносят животное, я обычно представляю, какая ему требуется пища, но тем не менее всегда спрашиваю поймавшего его охотника-аборигена, знает ли он, чем питался пленник, чтобы легче было составить ему рацион. Как правило, они понятия об этом не имеют, но иногда, не желая показать свое невежество, говорят, что пойманные ими животные едят, например, банга или пальмовые орехи.

Если речь идет о крысах, мышах или белках, так оно и есть, но если о мелких птицах или змеях, то это полная чушь, а мне приходилось так часто это слышать, что я перестал верить всем охотникам, которые заводили разговор о пресловутых пальмовых орехах и тому подобном.

Однажды мне в руки попали четыре милые и вполне здоровые лесные черепахи, которые быстро освоились в неволе и вполне уютно чувствовали себя в небольшом загончике, который я для них соорудил. Как правило, черепах кормить проще, чем многих других животных: они едят почти любые листья и овощи, не брезгуют также фруктами и мелко нарубленным мясом. Но эти мои гости оказались исключением. Они воротили нос от самых спелых фруктов и нежных листьев, которые я добывал для них с таким трудом. Я не мог понять, чем это вызвано, и стал беспокоиться за их состояние. Но вот однажды в лагерь пришел местный охотник. Показывая ему коллекцию и объясняя, каких животных я желал бы заполучить, я обратил его внимание на этих черепах и сказал, что они вот уже две или три недели отказываются от любой пищи. Охотник принялся меня уверять, что эти черепахи не едят ни фруктов, ни листьев – им нужен определенный вид мелких грибов, растущих на мертвых стволах деревьев. Я, конечно, ему не поверил, но виду не подал.

Прошла еще неделя, а черепахи по-прежнему крохи в рот не брали. В отчаянии я нанял двух мальчиков, выдал им корзины и наказал принести этих самых грибов. Когда они вернулись, я высыпал грибы в загон к черепахам и стал наблюдать.

Никогда прежде мне не приходилось видеть, чтобы черепахи с такой жадностью набрасывались на еду. Они кинулись к ней изо всех своих черепаших сил, и через несколько минут от грибов не осталось и следа, только сок тек по черепашим подбородкам. Но еще более

странным оказалось то, что, поев грибов, они стали есть и другую пищу, а по прошествии нескольких недель вовсе от них отказались, предпочитая спелые плоды манго.

Чем больше увеличивалась моя коллекция, тем труднее становилось снабжать ее всяческими разносолами. Мясо, фрукты, яйца и цыплят я доставал на местном рынке, но этого было явно недостаточно.

Например, все птицы, большинство обезьян, галаго и лесные крысы обожают саранчу и кузнечиков, и, чтобы поддерживать этих животных в добром здравии, необходимо постоянно снабжать их этими деликатесами. Но такими вещами, как саранча и кузнечики, не торгуют даже на базарах Западной Африки. Выход один – спешная организация команды отважных ловцов, куда вошли десять самых быстроногих и остроглазых мальчишек.

Я выдал каждому сачок для ловли бабочек и жестянку из-под папирос, и дважды в день моя команда выходила на промысел. Оплата была, разумеется, не повременная, а сдельная и составляла один пенни за пять кузнечиков, так что самые быстрые и ловкие зарабатывали по пятнадцать, а то и по двадцать пенсов в день.

На местном наречии кузнечики назывались "пампало", соответственно и команда получила название "ловцы пампало". Если кто-то из животных заболел или какому-то пленнику нужно было скрасить первые дни пребывания в неволе, я тут же скликал "ловцов пампало", и они отправлялись на охоту.

Поскольку многие птицы были такие маленькие, что не могли справиться с крупными и колючими кузнечиками, приходилось обеспечивать их мелкими термитами, или белыми муравьями. Для этого существовала еще одна команда мальчишек. В Западной Африке несколько видов белых муравьев, но

наиболее полезными, с моей точки зрения, оказались так называемые "грибные" термиты. На прохладных лесных полянках среди могучих деревьев они сооружают из серой грязи свои необычные жилища, достигающие высоты в два фута, напоминающие гигантские поганки. Внутри термитники похожи на медовые соты, с узкими проходами и крохотными кельями, где живут рабочие-термиты и новорожденные. Команда "охотников за термитами" выходила на промысел рано поутру, а возвращалась в лагерь под вечер. Каждый мальчишка нес на своей курчавой головке по три-четыре диковинные "поганки".

Я складывал добычу в темном прохладном месте, а когда наставало время кормить птиц, расстилал на земле огромный холст и аккуратно разрезал термитники огромным мясницким ножом. Затем я встряхивал их, и оттуда сыпались термиты - большие и маленькие. Я тут же распихивал их по горшочкам и спешно расставлял по птичьим клеткам, пока они не расползлись. Птицы тоже понимали, что действовать нужно проворно, и едва я захлопывал дверцу, как они тут же садились на край горшочка и поедали драгоценное лакомство.

Кроме кормежки, существует еще проблема правильного размещения животных в клетках. Каждому виду требуется клетка определенного типа, умело спроектированная и тщательно изготовленная. В тропиках в ней должно быть прохладно, а на корабле на пути в Англию - тепло. В качестве дополнительной защиты я сделал для каждой клетки холщовую занавеску, которую можно опускать всякий раз, когда подует холодный ветер или пойдет дождь.

Не менее важен и размер клеток. Иногда крошечному зверю для нормального путешествия требуется очень большая клетка, а сравнительно крупного довезешь в добром здравии только в

маленькой. Например, галаго нужно много места, чтобы они могли бегать и прыгать, – ведь на воле они находятся в постоянном движении, а вот красивых антилоп, называемых водяными козликами, можно перевозить только в длинных узких ящиках, стенки которых должны быть обиты войлоком. Виной тому – чрезвычайная нервозность этих животных. Когда клетки везут в тряском грузовике или грузят на корабль, а затем выгружают с корабля на берег, они очень пугаются. Если площадь клетки позволяет, они в испуге начнут бегать по ней кругами, пока не потеряют равновесие, – так недолго и поломать стройные, хрупкие ножки! В длинной же узкой клетке животные защищены мягкими стенками, и за их ножки можно не опасаться. Кроме того, они не обдерут кожу о дерево.

Как это ни покажется странным, но еще одним созданием, которому для перевозки требовалась обитая войлоком клетка, оказалась фантастическая лягушка, так называемая "волосатая". У этих амфибий задняя часть тела – шоколадного цвета, а толстые бедра покрыты густой порослью, похожей на шерсть. На самом деле это длинные волоски кожи. У всех лягушек кожа в той или иной степени служит органом дыхания, помогая легким, – она поглощает из воды кислород. Вот почему необходимо содержать лягушек в сырости, иначе, если кожа высохнет, они могут задохнуться. Волосатые лягушки живут в быстрых горных потоках и большую часть времени проводят под водой. Следовательно, они в значительно меньшей мере, чем другие, используют для дыхания легкие, и волоски служат для того, чтобы увеличить поверхность кожи.

Над тем, как сохранить "волосатиков" при перевозке, пришлось изрядно поломать голову. Большинство других лягушек до погрузки на корабль можно держать в неглубоком ящике, а уже на борту пересадить каждую в муслиновый мешок и привязать

мешки к большому ящику. Сидят себе смирнехонько до самой Англии, много пищи в пути не требуют; смачиваешь их водой два-три раза в день, они и довольны. Волосатые же лягушки, кроме странного украшения задней части тела, имеют еще одну особенность. У них на мясистых задних лапах имеются длинные узкие когти, похожие на кошачьи, которые они, как и кошки, могут выпускать и убирать. Если посадить волосатую лягушку в обычный мешок, она будет стараться выскочить: выпустит когти, вцепится ими в ткань да так и повиснет причудливым комом. Поэтому я решил, что перевозить этих лягушек нужно в ящике.

Тогда возникла другая проблема. Ящик должен быть очень мелким, иначе лягушки, испугавшись, начнут прыгать и разобьют головы о проволочный верх. В конце концов я посадил всех волосатых лягушек в неглубокий ящик с дырками, примирившись с тем, что, когда я поливал их, вода вытекала наружу. И что же? Лягушки, лишённые возможности прыгать, завели новую привычку: когда пугались, забивались в угол и старались "закопаться" в дерево. Уже на третий день у них была содрана вся кожа с носа и верхних губ. А это крайне опасно, потому что у лягушек на таких участках быстро образуются язвы. Лечение любой раны затрудняется тем, что лягушку нужно постоянно поливать водой. Таким образом, мне пришлось одновременно конструировать новую клетку и думать о том, как вылечить носы лягушкам, не причинив им при этом неудобства.

Я соорудил большой неглубокий ящик и обшил его изнутри простыночной тканью, под которую напихал ваты. Получилось что-то вроде стеганого одеяла. Теперь, если лягушки начинали прыгать или разыгрывалась качка, они были в полной безопасности. При этом отпала необходимость увлажнять их трижды в

день: вата хорошо держала влагу и после одного раза в ящике ее было достаточно, но не слишком влажно. В пути язвы на носах у лягушек отлично затянулись, и они добрались до Англии целы и невредимы.

Глава восьмая, В КОТОРОЙ НОВЫЙ НОЙ ВЫХОДИТ В ПЛАВАНИЕ НА СВОЕМ КОВЧЕГЕ

Тот, кто собирает животных, больше всего страшится момента, когда всю эту ораву придется везти к побережью, а там грузить на корабль и пускаться в долгий путь. Во-первых, необходимо удостовериться, что все клетки в полной исправности и все дверцы надежны. Во-вторых, нужно похлопотать о достаточном запасе провизии – не станешь же ты рассчитывать на то, что даже на самом лучшем корабле кок будет возиться с твоими животными, у каждого из которых свои причуды?!

Кроме мешков пшеницы, картофеля, ямса и всяких тропических овощей, нужно запасти огромное количество фруктов, причем не только спелых, а то они испортятся в первую же неделю пути, и кормить животных будет нечем. Следовательно, нужны еще недозрелые и совсем незрелые. Последние, вместе с яйцами и мясом, хранятся в корабельном холодильнике. Когда понадобятся фрукты, достаточно вынуть их из холодильника и разложить на палубе – они отлично дозреют на солнце. К тому же нужно точно рассчитать количество. Если возьмешь слишком много – избыток испортится и его придется выбросить за борт, если слишком мало – придется тянуть до какой-нибудь остановки, например в Бискайском заливе, где можно пополнить свои запасы. Итак, убедившись, что клетки в полном порядке и количество продовольствия соответствует потребностям, можно хлопотать о найме грузовиков для перевозки животных из глубины страны

в порт. На этот раз нам предстояло проехать двести миль.

Когда я покидал Западную Африку, я взял с собой по три мешка картофеля и пшеницы, по два – ямса и кукурузы, по пятьдесят штук ананасов и манго, двести апельсинов и сто пятьдесят больших гроздей бананов, не говоря уже о сухом молоке, солоде, рыбьем жире и прочем. Взял также четыре сотни яиц, каждое из которых было проверено в миске с водой на свежесть, тщательно вымыто и упаковано в ящик с соломой. Мясной запас состоял из туши вола и двадцати живых кур. Для перевозки всего перечисленного, а также ста пятидесяти клеток всех видов и размеров и оборудования пришлось нанять три грузовика и один небольшой фургончик.

Я решил ехать ночью по ряду причин, в частности, потому, что в это прохладное время суток животные чувствуют себя лучше всего. Когда едешь днем, приходится выбирать из двух зол: или накрывать клетки брезентом, от чего животные могут задохнуться, или оставлять их открытыми, и тогда пассажиров занесет тучами красной дорожной пыли.

Спать в таком путешествии приходится урывками: ночью трясешься в кабине грузовика, зная, что, едва займется заря и караван остановится у обочины в тени огромных деревьев, придется выгружать каждую клетку, чтобы вычистить ее и накормить животных. Только после этого можно завалиться спать. А вечером, едва спустится прохлада, грузить все снова – и в путь. Дороги в Камеруне столь плохи, что ездить по ним можно со скоростью не более двадцати пяти миль в час, поэтому на путешествие, которое в Англии заняло бы день, у нас ушло три.

Прибыв в порт, я узнал, что погрузка корабля еще не закончена. Это значило, что с животными придется пока подождать. Хлестал ливень, и я решил не

выгружать клетки из кузова. Только я об этом подумал, как небо очистилось и солнце принялось палить так нещадно, что волей-неволей пришлось выгрузить все клетки и перетащить их в тень ближайших деревьев. Как только все было сделано, снова налетели тучи, и через несколько минут клетки, запас провианта и оборудование, не говоря уж о вашем покорном слуге, оказались под ледяным дождем. Когда мы наконец попали на судно, я обнаружил, что все животные по-прежнему дрожат мелкой дрожью. Ох и задал мне этот ливень работы - каждую клетку пришлось заново вычистить, насыпать туда свежих опилок, а обезьян еще и самих посыпать опилками, чтобы скорее высохли и не подхватили насморк. После этого я выдал всем по чашке горячего молока, и, слава Богу, никто не заболел.

В первый же день морского путешествия у обезьян так разыгрывается аппетит, что они готовы съесть в четыре-пять раз больше обычного, только давай! Видимо, так благотворно влияет на них морской воздух. Это следует учесть, когда запасаешься провизией. Конечно, такие деликатесы, как кузнечики и термиты, на борт не возьмешь, а вот тараканов для самых привередливых птиц и животных сколько угодно: спустись вечером в машинное отделение и лови. Они обычно прячутся за трубами - теплое местечко! Правда, вскоре и матросам пришелся по душе этот спорт, и нам уже не нужно было ловить тараканов самим: их в огромном количестве регулярно притаскивали матросы, обслуживающие машины.

Морское путешествие длительностью в две-три недели может быть очень приятным, если ты не везешь вместо багажа целую ораву вечно голодных животных. В этом случае нагрузка у тебя куда больше, чем у любого матроса. Я просил будить меня в полшестого, чтобы перед завтраком успевать вычистить клетки. Позавтракав, я принимался кормить животных. И так

весь день – то одно, то другое; я не мог уделить себе ни мгновения, пока в обезьянью клетку не будет поставлена последняя чашка вечернего молока. По мере приближения к Англии становилось все холоднее и холоднее; требовалось принять дополнительные меры, чтобы мои звери не подхватили простуду. Я взял за правило выдавать им на ночь горячее молоко и тщательно укутывать клетки одеялами и брезентом. Если штормило, я проверял, надежно ли клетки прикручены к поручням, дабы не случилось неприятностей, как однажды, когда я тоже возвращался из Западной Африки. Поздно вечером, во время последнего в тот день кормления детенышей обезьян из бутылочки, я заметил, что корабль что-то уж чересчур резво скачет по волнам. Взглянув на ряд клеток, выстроившихся вдоль поручней, я решил, что, как только кончу кормить, прикручу их накрепко. Не успел я подумать об этом, как налетел девятый вал; судно дало страшный крен, и все полсотни клеток вверх тормашками полетели на палубу. Я бросился к ним, принялся ставить на место и наконец-то прикручивать к поручням; к моему счастью, никто из зверей не пострадал, только обезьяны были крайне раздражены и еще долго на своем обезьяньем языке обсуждали происшедшее.

Во время морских перевозок нередко случаются разные конфузы и курьезы. Как-то довелось нам с другом везти зверей из Западной Африки на судне, капитан которого, как нам сообщили, не принадлежал к числу страстных любителей животных. Узнав об этом, мы решили вести себя тише воды, ниже травы. Минимум возни, минимум беспокойства! Ведь только дай такому капитану повод, и он сделает жизнь на борту невыносимой и для тебя, и для твоих питомцев. Но, как ни старайся, всегда что-нибудь да стрясется.

В первое же утро мой друг пошел вытряхивать за борт корзину с грязными опилками, которые мы только что вычистили из клеток. А куда ветер дует, не учел. Едва он вытряхнул содержимое, порыв ветра подхватил тучу опилок – и прямо на капитана, стоявшего на своем мостике. Хорошенькое начало, нечего сказать! А мы еще надеялись снискать его расположение... За завтраком он довольно прохладно поприветствовал нас, но быстро оттаял и уже к середине трапезы держался вполне дружелюбно. Я сидел за столом напротив него, а позади него была череда иллюминаторов, выходявших как раз на ту палубу, где стояли наши клетки.

– Бог с вами, делайте что хотите, – сказал мне капитан, – только не дайте ни одной из ваших тварей улизнуть.

– Как можно! – воскликнул я и тут же заметил, что в открытом иллюминаторе за его спиной кто-то сидит. К моему ужасу, это оказалась крупная белка. Очень довольная собой, она осматривала кают-компанию. Затем принялась умыть усы. Между тем капитан продолжал свой завтрак, ни о чем не подозревая.

Окончив туалет, белка, очевидно, решила, что неплохо бы получше исследовать это место, где на столах столько вкусных вещей, и даже наметила самый удобный путь – на плечо капитану, а оттуда прямо на стол.

Пробормотав "извините", я встал и с бесстрастным лицом вышел из кают-компания, но, оказавшись вне поля зрения капитана, со всех ног помчался на палубу и подбежал к иллюминатору в тот самый момент, когда белка уже изготовилась к прыжку. Слава Богу, мне удалось схватить ее за огромный пушистый хвост. Ругаясь про себя, я водворил ее в клетку и лишь тогда вздохнул с облегчением. После этого я вернулся в кают-компанию. К счастью, капитан ничего не заметил и даже не подозревал, что его плечо едва не стало

трамплином для огромной белки, вознамерившейся полакомиться его яичницей с беконом.

Как мы ни старались вести себя тихо, а может быть, именно поэтому, судьба вечно посылала нам неприятности. Через несколько дней после случая с белкой из ящика улизнули три огромные ящерицы и спрятались в огромных мотках каната, лежащих на палубе. Чтобы сдвинуть их с места, потребовалась бы помощь чуть не всего экипажа, и мы решили ловить беглянок поодиночке – пусть только высунутся! После трех дней охоты нам удалось отловить всех, но нервотрепка была страшная – я был убежден, что рано или поздно они доберутся до капитанского мостика и непременно попадутся на глаза капитану.

Только мы водворили рептилий на место, как сбежала мартышка. Это было совсем ручное существо, позови – и она придет. Но соблазн исследовать судно, видимо, был столь велик, что она совсем распоясалась и лишь изредка, когда мы пытались заманить ее в клетку большой гроздью золотых бананов, перед которыми она обычно не могла устоять, бросала на нас снисходительные взгляды. В тот день судно здорово качало, и это нас спасло: на пассажирской палубе, куда обезьянка влезла по трапу, никого не было. Я хриплым шепотом позвал ее. Каждый раз, когда судно подбрасывало, она теряла равновесие, а так как я лучше владел ситуацией, мне удавалось приблизиться к ней на несколько футов. Тем не менее она добралась до трапа, ведущего в капитанскую каюту, и, поколебавшись с минуту, ринулась вверх к полуоткрытой двери. Почти не надеясь на успех, я бросился за ней, приготовившись к самому худшему – я уже видел, как она с шумом приземляется посреди кровати, на которой мирно отдыхает капитан... К счастью, когда она достигла верхней ступеньки, корабль качнуло, и беглянка свалилась на три

ступеньки вниз, а мне только этого и надо было. Я цапнул ее за длинный пушистый хвост, пару раз крутанул в воздухе и со всех ног помчался на грузовую палубу, опасаясь, как бы ее яростные крики не разбудили капитана и он не вышел посмотреть, что происходит...

В общем, поездка измотала нас вконец, и лишь когда в хмурое, промозглое утро корабль подошел к причалу Ливерпуля, мы почувствовали облегчение. Там, на набережной, нас уже поджидали фургоны. Разгрузка животных прошла без сучка без задоринки, я сдал их с рук на руки директорам зоопарков и со смешанным чувством наблюдал, как сквозь дождь мои питомцы разъезжались по разным уголкам Англии.

Часть вторая
КАК Я ЛОВИЛ ЖИВОТНЫХ В
БРИТАНСКОЙ ГВИАНЕ

Глава девятая, В КОТОРОЙ МУРАВЬЕД ПО ИМЕНИ ЭЙМОС ПРИГЛАШАЕТ НАС НА ТАНЕЦ

Британская Гвиана⁽⁴⁾ лежит в северной части Южной Америки и по площади почти равняется Ирландии. Она находится на краю огромного лесного массива, простирающегося вдоль Амазонки по территории Бразилии. Название "Гвиана" - индейского происхождения и означает "земля, изобилующая водой". В самом деле, более точное определение дать трудно. По ней из конца в конец текут три большие реки, сообщающиеся друг с другом огромным количеством мелких речек и притоков. В сезон дождей реки выходят из берегов и затопляют огромную территорию на несколько недель. Благодаря этому почти все животные, населяющие Британскую Гвиану, либо отличные пловцы, либо искусны в лазаний. Животные, которые в других странах живут большей частью на земле, вытеснены здесь сходными созданиями, почти постоянно обитающими на деревьях. Например, в Британском Камеруне водится наш знакомый кистехвостый дикобраз, который устраивает себе жилища среди скал либо в пещерах и с трудом взбирается на дерево. В Гвиане же обитают цепкохвостые дикобразы, чьи лапы хорошо приспособлены для лазания по деревьям, а длинные, лишенные волосяного покрова хвосты, как у южноамериканских мартышек, обвиваются вокруг ветвей.

Мы пришли к выводу, что Британскую Гвиану можно условно разделить на две части. Огромную лесистую территорию сменяют обширные саванны, покрытые

травой, небольшими рошицами и кустарником. В Британском Камеруне примерно та же картина, а это значит, что и там и здесь есть животные, населяющие леса, а есть – населяющие луга, и они сильно отличаются друг от друга.

Побережье Гвианы, где крупные реки впадают в море, изрезано тысячами речек и ручьев. Некоторые шириной в несколько футов, а иные гораздо шире обычной английской реки. Эта огромная водная сеть – самый прекрасный пейзаж Гвианы. Воды, полные мертвых листьев и бревен, окрашены в цвет перезрелой вишни, а их течение столь плавно, что поверхность похожа на темное зеркало. Над водой нависают огромные деревья; их ветви украшены длинными прядями испанского мха – серого, похожего на лишайник растения, свисающего тысячами нитей. Здесь и орхидеи самых разнообразных оттенков, растущие на стволах и ветвях; порой их столько, что кажется, будто дерево украшено самоцветами.

Обычно речки и ручьи подобны длинным темным зеркалам, но иногда на водной глади вдруг возникает зеленый растительный ковер с узором из розовато-лиловых и желтых цветов. Там, где сквозь кроны деревьев проглядывает солнце, на поверхности воды можно увидеть заросли водяных лилий, цветы которых крупнее чайника, а похожие на гигантские блюда листья достигают размера велосипедного колеса. Пробираешься на лодке по такому заросшему протоку, и кажется, будто скользишь по лужайке – нос лодки раздвигает растения, а за кормой они снова смыкаются, так что воды и не видно вовсе. Двигается лодка – и колышется вверх-вниз ковер, точно зеленые волны.

Мы основали свой базовый лагерь в столице Гвианы – Джорджтауне. Там было легко достать все необходимое, и к тому же рядом был порт, откуда мы собирались отплыть на родину. Устроившись, мы начали

поездки в глубь страны, стремясь побывать в разных ландшафтных зонах и добыть обитающих там животных.

Первую такую поездку мы совершили в заросшие густой травой луга в пойме реки Померун. Сначала мы плыли по речкам к небольшому индейскому поселку Санта-Мария, спрятанному в глубине этой странной болотистой страны. Чтобы добраться до пункта назначения, нам потребовался целый день. Это было незабываемое путешествие. Лодка медленно скользит по гладкой поверхности воды, осененной сверкающими на солнце деревьями; с резкими криками пролетают над головой крупные черные дятлы с красными макушками; время от времени они садятся на ствол мертвого дерева и начинают интенсивно работать клювами. В подлеске вдоль берега приютились стаи болотных птиц размером не больше воробья, с черными телами и блестящими, канареечного цвета головками. Порой за каким-нибудь поворотом взлетала пара пурпурных ибисов, махая розовыми и малиновыми крыльями; на коврах из водяных лилий нам попадалось множество диковинных птиц якана, похожих на шотландских куропаток. Самое удивительное в них – длинные стройные ноги, заканчивающиеся тонкими пальцами, которые дают им возможность разгуливать по листьям водных растений не проваливаясь. Прежде чем сделать шаг, якана вытягивает пальцы, как паук свои ноги, и ее вес равномерно распределяется по поверхности листа. Когда они торжественно шествуют по ковру из водяных лилий, они просто тускло-коричневые; но когда они взлетают, под каждым крылом вспыхивает лимонно-желтое пятно.

Иногда нам случалось потревожить лежащих на берегу кайманов. Что для Египта нильский крокодил, то для Южной Америки кайман. Когда мы проплывали мимо, они на мгновение поднимали голову и наблюдали

за нами с полуоткрытой пастью, а затем тяжело подползали к краю берега и плюхались в воду.

Мы добрались до Санта-Марии поздно вечером, а наутро, взяв себе в помощники аборигенов, отправились на поиски животных. Местные жители часто держат диких зверей в качестве домашних любимчиков, и многих из них они нам продали. Таким образом, за короткое время мы приобрели множество прекрасных макак, от чьих воплей и криков едва не оглохли в нашей небольшой хижине; несколько молодых боа-констрикторов и двух-трех обезьян-капуцинов. Я был весьма удивлен, увидев боа в доме, – я-то думал, что индейцы так же боятся змей, как и африканцы. Оказалось, что эти рептилии обитают в хижинах на балках и занимают в жизни индейцев примерно такое же место, как в жизни англичан – кошка; эти змеи, питающиеся крысами и мышами, легко приручаются и, пока в доме есть живой корм, так и сидят на своих балках и никуда не уходят. Индейцы уверяли, что боа-констрикторы не только дадут сто очков вперед любой кошке по ловле крыс и мышей, но и по своей окраске – розовая, серебряная, черная, белая – куда красивее этих животных. Они сворачиваются под крышами хижин точно пестрые шарфы.

В Британской Гвиане имеется три вида муравьедов: большой, с длинным волосатым хвостом, свыше шести футов длиной; таманду, примерно размером с пекинеса; и карликовый, не больше восьми дюймов. Все три вида живут в совершенно разных растительных зонах. Большой муравьед предпочитает луга в северной части Британской Гвианы, а два других, лазающих по деревьям, обитают в лесах. Правда, таманду можно найти даже в тех районах, где ведется сельское хозяйство, но за карликовым нужно отправляться в самые дебри.

Чтобы поймать большого муравьеда, мне пришлось пролететь приблизительно двести миль в глубь страны.

Самолет высадил меня у ранчо на берегу реки Рупунун. Там я заручился помощью необыкновенно умного охотника-индейца по имени Фрэнсис. Я объяснил, что мне нужно, и после длительных раздумий он сказал, что лучше ему одному отправиться на поиски муравьеда, а уж ловить его мы будем вместе.

Я согласился. Три дня спустя Фрэнсис вернулся и с сияющим видом сообщил, что его поход закончился успешно. В одном месте он отыскал явные признаки муравьеда: все муравьиные гнезда разорены его могучими челюстями.

И вот рано поутру Фрэнсис, я и мой приятель сели на коней и отправились в поход за муравьедом. До самого горизонта, окаймленного бледными зеленовато-синими горами, простирались золотые луга, сиявшие в лучах солнца. Мы ехали уже несколько часов, а все никаких признаков жизни, кроме пары крошечных коршунов, чертивших круг за кругом высоко над нами в голубом небе.

Я знал, что в лугах обитает немало животных, и был удивлен, почему никого не встретил. Но вскоре мы подъехали к огромной овальной котловине, на дне которой лежало тихое озеро, заросшее водяными лилиями и окруженное сочной растительностью и небольшими деревцами. Вот где жизнь была ключом! Воздух был наполнен звоном стрекоз, блестящие пестрые ящерицы шмыгали из-под копыт наших коней, зимородки сидели на мертвых сучьях, свисавших над водой, а в камышах и кустах, растущих вдоль берега, щебетало и порхало множество крохотных птиц. Мы проехали дальше, и я увидел на противоположном берегу десять аистов ябиру, каждый высотой примерно в четыре фута; опустив длинные клювы, они глядели на нас с неким торжеством. Когда мы миновали озеро и поскакали дальше по лугам, все вокруг снова затихло – слышался только стук копыт.

Я понял, в чем тут дело. Этим лугам не доставало воды, и все животные и птицы концентрировались по берегам больших и малых озер, которые встречались тут не так уж часто. Можно было проскакать много миль, не встретив никакой живности, но у любой водной котловины кипел настоящий праздник жизни.

Наконец около полудня мы достигли цели – небольшого уголка саванны, где, по словам Фрэнсиса, и жил муравьед. Он посоветовал нам развернуться в линию и скакать, производя как можно больше шума, чтобы выгнать муравьеда из гнезда и загнать в более низкую траву, где его легче сцапать. Мы помчались среди травы, достававшей нашим коням до груди, шумя и крича насколько хватало сил.

Почва под травой спеклась, словно кирпич, в ней было множество трещин и щелей; кони часто спотыкались, и каждый рисковал перелететь через голову и угодить под копыта. Вдруг Фрэнсис издал победный клич, и, взглянув в его сторону, я увидел, как что-то темное прыгает в траве прямо перед его конем. Мы с напарником тут же подскочили к нему. Муравьед – а похоже, это был именно он – старался углубиться в высокую траву, но нам удалось отрезать ему путь к отступлению и выгнать на открытый участок. Толстые щетинистые ноги зверя топали по земле, длинная голова, похожая на сосульку, моталась из стороны в сторону, а огромный хвост развевался позади как знамя.

Мы пустили коней в галоп. Я свернул в одну сторону, чтобы помешать зверю удрать в высокую траву, Фрэнсис – в другую и, пришпоривая коня, достал лассо. Поравнявшись с муравьедом, скакавшим во все лопатки, он кинул лассо, но, к сожалению, не рассчитал диаметра петли – он оказался слишком большим, и муравьед, благополучно проскочив через петлю, с шипеньем и фырканием продолжил бег. Фрэнсис

придержал коня, смотал веревку и снова пустился в погоню. Вновь поравнявшись с животным, он опять кинул лассо, и – вот удача! – зверь оказался в петле!

Фрэнсис тут же соскочил с коня. Стиснув зубы, он с трудом удерживал конец веревки, тогда как разъяренный муравьед ринулся со всех ног по густой траве, увлекая за собой обидчика. Я спрыгнул с коня и тоже ухватился за веревку. Я поразился, какая же силища заключалась в неуклюжих волосатых ногах этого зверя – он таскал нас за собою туда-сюда по саванне, пока мы окончательно не выдохлись, а веревка не изрезала нам руки.

Вдруг Фрэнсис, глянув через плечо, вздохнул с облегчением. Я тоже оглянулся и увидел, что борьба довела нас до небольшого, около двенадцати футов высотой, дерева – единственного на много миль вокруг. Тяжко дыша и обливаясь потом, мы подтащили к нему упирающегося муравьеда и крепко привязали. Когда я уже затягивал последний узел, Фрэнсис взглянул вверх и вдруг издал душераздирающий вопль. Я глянул туда же – и увидел в двух футах у нас над головами шарообразное осиное гнездо размером с футбольный мяч. Муравьед изо всех сил рвался с веревки, трясся и качая деревце из стороны в сторону. Не следует думать, что осам это очень нравилось – вся колония вилась вокруг гнезда, рассерженно жужжа. Мы с Фрэнсисом со всех ног бросились наутек.

Уверенные, что привязали зверя накрепко, мы вернулись к коням захватить кое-какие принадлежности – веревки попрочнее и мешки побольше, чтобы упаковать нашу добычу. Когда я вернулся назад к дереву, муравьед уже развязывал последний узел. Освободившись от пут, он встряхнулся, словно крупная собака, и медленным шагом двинулся в родную саванну, преисполненный достоинства. Оставив

Фрэнсиса отвязывать лассо от дерева, я бросился в погоню за беглецом, на ходу завязывая петлю.

Догнав зверя, я кинул свое импровизированное лассо, но, не будучи искушен в этом деле так, как Фрэнсис, естественно, промахнулся. Муравьед продолжал улепетывать. Я повторил бросок – результат тот же. Я попробовал в третий раз, но зверь, раздраженный моим неотвязным преследованием, вдруг решил переменить тактику. Внезапно остановившись, он повернулся ко мне и поднялся на задние лапы, так что голова его оказалась на уровне моей груди, и я с опаской поглядывал на его шестидюймовые когти, которые он явно собирался пустить в ход.

Шипя и фыркая, он мотал своим длинным тонким рылом из стороны в сторону и махал передними лапами, как боксер. Мне не хотелось связываться с противником, который способен в два счета изувечить обидчика когтями, и я решил подождать Фрэнсиса – тогда один сможет отвлечь внимание зверя, а другой его поймает. Я принялся ходить вокруг муравьеда, раздумывая, нельзя ли подкрасться к нему сзади и захватить врасплох, но он, не отрываясь, следил за мной, постоянно держа когти наготове. Мне ничего не оставалось, как сесть на землю и дожидаться Фрэнсиса.

Поняв, что ему предложили перемирие, муравьед решил воспользоваться шансом и восстановить поправное в борьбе достоинство. Пока он носился по саванне, слюна у него текла ручьями. Слюна у муравьеда тягучая и вязкая – именно благодаря ей добыча намертво приклеивается к языку. Теперь вместо добычи на морду налипла масса веточек и травинок. Сев на корточки, он принялся тщательно очищать ее с помощью когтей. Потом глубоко вздохнул, встал на четыре лапы, отряхнулся и заковылял прочь.

Когда явился Фрэнсис с лассо в руках, мы снова бросились в погоню за муравьедом. Заслышав наше приближение, он остановился, обернулся и опять встал на задние лапы, но с двумя ему было не справиться. Пока я отвлекал его внимание, Фрэнсис подполз сзади и аккуратно набросил лассо. Как только зверь почувствовал, что вокруг него снова затянулась веревка, он бросился бежать что есть мочи, волоча за собой меня и Фрэнсиса. Он еще с полчаса протаскал нас, пока не удалось связать его так, что он не мог больше двигаться. После этого мы сунули его в большой мешок, откуда торчала только голова.

Мы уже бросились поздравлять друг друга с победой, и что же? Новая преграда внезапно встала на пути. Когда мы собрались ехать обратно, наши кони, как один, заупрямились и отказались везти такой странный багаж, который свирепо фырчит и шипит. Битых четверть часа мы пытались успокоить их – какое там! Всякий раз, когда мы приближались к ним с муравьедом, они вскидывали головы и разъяренно смотрели на нас.

Фрэнсис решил, что единственный выход – если я, сидя верхом, поведу его коня, а сам он пойдет пешком с грузом на плечах. Я засомневался, что это увенчается успехом – ведь двигаться предстояло много миль под палящим солнцем, а вес у муравьеда был приличный. Однако ничего другого мы придумать не смогли и отправились в путь. Муравьед так извивался, что нести его было почти невозможно. За час мы покрыли какую-нибудь пару миль, ибо каждые две-три сотни ярдов Фрэнсису приходилось снимать мешок с плеч и отдыхать.

Так дело не пойдет, решили мы. Этак мы целую неделю будем добираться до ранчо. Фрэнсис предложил, чтобы я или мой друг остались посторожить муравьеда, а он с кем-нибудь из нас двоих поскачет на

ранчо к своему приятелю, обитавшему тут неподалеку, – он показал темное пятнышко на горизонте. Там, заверил он, найдется вьючный вол. Впрочем, его английский был настолько плох, что мне послышалось что-то вроде "волейбол". Я, понятно, удивился, но Фрэнсис настаивал, что это единственный выход из положения. Меня разобрало любопытство, и, оставив приятеля стеречь муравьеда, мы галопом поскакали в указанном направлении.

На ранчо пожилой симпатичный индеец предложил нам кофе, а затем Фрэнсис повел меня в стойло. Там действительно стоял, конечно, никакой не "волейбол", а обыкновенный вол, каких во всем мире впрягают в повозки или используют для вьючных перевозок. Тут появилась жена Фрэнсиса и сказала, что она поедет на воле, а мы поскачем впереди. Крошечная индеанка смело вскочила на огромную спину и села как амазонка. Ее длинные черные волосы спускались до пояса, что делало ее похожей на леди Годиву. Всадница ударила вола длинной палкой, и мы тронулись в путь.

Когда мы с Фрэнсисом прибыли туда, где оставили друга с муравьедом, то обнаружили, что последний устроил ему веселую жизнь. Зверю удалось наполовину выбраться из мешка да еще прорвать мешковину когтями задних лап, так что казалось, будто на нем надеты неуклюжие мешковатые штаны; он бегал туда-сюда по траве, и мой приятель совершенно запарился, носясь за ним. Дружными усилиями мы изловили зверюгу, засадили в новый мешок, и, пока мы думали, как завязать его понадежнее, мой друг поведал нам все, что ему довелось пережить за время нашего отсутствия.

Началось с того, что его конь, который, как он думал, был накрепко привязан, отвязался и поскакал куда глаза глядят. Долго пришлось моему другу преследовать его, пока наконец удалось поймать. Тем

временем муравьед частично выпутался из веревок, разорвал мешок когтями и наполовину выбрался оттуда. Мой приятель, насмерть перепугавшись, что он улизнет, бросился к пленнику, запихал его обратно в мешок и связал снова; оглянувшись, он обнаружил, что снова отвязался конь. Пока он ловил его, муравьед выпутался во второй раз – это случилось как раз к моменту нашего прибытия. Тут подъехала жена Фрэнсиса на своем воле и помогла погрузить муравьеда ему на спину. Как ни странно, вол весьма спокойно ко всему отнесся, – похоже, ему было все равно, мешок ли это с картошкой или с гремучими змеями. Хотя муравьед шипел и вырывался изо всех сил, вол спокойно двигался вперед.

Уже совсем стемнело, когда мы добрались до ранчо. Мы извлекли нашего пленника из мешка и развязали его. Я сделал из веревки прочную уздечку и привязал муравьеда к могучему дереву. Поставив перед ним большую миску с водой, мы отправились отсыпаться. Ранним утром я пошел взглянуть на него и не нашел. "Сбежал", – мелькнула мысль. И вдруг вижу: оказывается, он лежит, свернувшись клубком между корней дерева и целиком накрывшись хвостом, точно серой шалью, так что издали походит скорее на кучу золы, чем на зверя. Теперь я понял, как полезен ему этот огромный хвост. Устраивая себе постель в густой траве, он сворачивается клубочком и накрывается хвостом, словно брезентом. Сквозь такую пушистую крышу под силу пробиться разве что очень сильному ливню.

Теперь встала проблема, как приучить Эймаса – так я его назвал – к новой пище: в английском зоопарке его белыми муравьями не накормят. Я приготовил смесь из молока, сырого яйца и мелко крошеной говядины, добавив в нее три капли рыбьего жира. К счастью, недалеко от ранчо имелось гнездо белых муравьев, и я,

пробив в гнезде дырку и достав оттуда горсть этих лакомых существ, кинул их в миску с вязкой смесью.

Я боялся, что на приучение муравьеда к новой пище уйдет немало времени, но, к моему удивлению, зверь, завидев миску, встал и тут же устремился к ней. Он тщательно обнюхал предложенное кушанье, высунул длинный, похожий на змею язык и погрузил его в миску. Потом мгновение раздумывал, оценивая блюдо, и, как видно решив, что оно пришлось ему по вкусу, принялся с необыкновенной быстротой работать языком, выстреливая им в содержимое миски и втягивая назад, пока посудина совсем не опустела. У муравьедов нет зубов, и при принятии пищи они пользуются только языком и обволакивающей его слюной. Иногда в награду я давал ему полную миску термитов – естественно, перемешанных с обломками их глиняного гнезда. Было забавно наблюдать, как животное погружает язык в миску и вынимает его, весь облепленный термитами и кусочками глины, приклеившимися к нему, как мухи к липучке. Но когда он втягивает язык внутрь, губы очищают его от кусочков глины, и муравьед съедает только термитов. Ничего не скажешь, умно придумано!

Вскоре после того, как мы вернулись в лагерь и Эймос справил новоселье, у него появилась подруга. Появилась в виде фыркающего узла, впихнутого в кузов грузового такси. Охотник, поймавший муравьедицу, видимо, был не слишком искусен в своем ремесле: на теле у нее оказалось несколько досадных шрамов и она была совершенно измучена голодом и жаждой. Когда я освободил ее от пут, она просто легла на землю на бок и так слабо дышала, что я сомневался, выживет ли она вообще. Я поставил ей миску с водой, и как только она ее высосала, сразу чудесным образом ожила, встала на ноги и приготовилась броситься на всякого, кто окажется в поле ее зрения.

Эймос, привыкший быть единственным муравьедом на своей территории, встретил подругу не очень ласково. Когда я открыл дверь клетки и попытался посадить туда самку, он поприветствовал ее так: дал лапой по носу, оцарапав когтями, и разгневанно зашипел. Тогда я решил посадить ее рядом, но отдельно, пока они не привыкнут друг к другу. Клетка Эймоса была очень просторной, так что я просто разгородил ее пополам: в одной половине остался Эймос, в другой поселилась муравьедица. Но тут возникло новое осложнение: если приучить Эймоса к новой пище не составило никаких проблем, то с его невестой пришлось куда труднее. Она наотрез отказалась даже попробовать кушанье, которое я подал ей в миске, и объявила голодовку.

Но по прошествии суток меня вдруг осенило. Я поставил миску Эймоса рядом с деревянной перегородкой, отделявшей его от невесты. Эймос не отличался изысканными манерами, и всякий, кто стоял в тридцати футах от него в то время, как он принимал пищу, мог слышать его чавканье и сопенье. Пока он наслаждался завтраком, муравьедица, привлеченная шумом, подошла посмотреть, что же он вкушает. Она просунула длинный нос между прутьев и принялась, а затем очень медленно и осторожно погрузила свой длинный язык в смесь. Через пару минут она уже поглощала ее с той же быстротой и энтузиазмом, что и Эймос. Следующие две недели она ела именно так, просовывая морду сквозь прутья и дотягиваясь до пищи языком.

В итоге, деля одну миску на двоих, они вполне привыкли друг к другу, и вскоре мы убрали перегородку. Теперь они даже спали бок о бок, тщательно укрывшись хвостами. Но для транспортировки в Англию мне не удалось достать клетку необходимых размеров, и пришлось везти их в

разных ящиках. Я ставил ящики рядом, так что они могли протягивать друг к другу свои длинные носы и вволю фыркать.

Когда они наконец добрались до Англии и попали в зоопарк, то доставляли немало удовольствия посетителям, устраивая состязания по боксу. Стоя на задних лапах, они награждали друг друга увесистыми затрещинами и колотушками; при этом их носы раскачивались, как маятники, а хвосты со свистом рассекали воздух. Со стороны эти состязания выглядели напряженными и жестокими, на самом деле они ни разу не нанесли травмы друг другу.

Второй по величине муравьед, обитающий в Британской Гвиане, – лесной муравьед таманду. Внешне не очень похож на большого: та же длинная искривленная морда, те же маленькие глазки-бусины, те же могучие передние лапы с крупными крючковатыми когтями. У него были светло-коричневая короткошерстная шубка и изогнутый хвост. Если большой муравьед пользуется хвостом как покрывалом, то таманду использует его для лазания по деревьям, подобно древесным дикобразам или обезьянам. Добавлю еще, что таманду оказались самыми глупыми животными из всех, кого я ловил в Британской Гвиане.

На воле они забираются на высокие деревья и прокладывают себе путь с ветки на ветку, пока не наткнутся на гнездо древесных муравьев. С помощью мощных когтей они взламывают муравьиную крепость и слизывают ее обитателей длинным липким языком. Отламывая от муравейника кусок за куском, они продолжают трапезы. И в неволе отучить их от этой привычки крайне трудно. Когда ставишь перед таманду горшок с мелко крошенным мясом, замешенным на сыром яйце и молоке, они хватают его когтями, слизывают немного пищи и снова хватают. Кончают обычно тем, что переворачивают горшок, вываливая

содержимое на пол клетки. Очевидно, горшок для них – что-то вроде муравьиного гнезда, которое надо непременно расколотить, чтобы добраться до пищи. Приходилось накрепко привязывать горшок.

Первых карликовых муравьедов я раздобыл в индейском селении, расположенном на островах, среди небольших речушек. Я целыми днями путешествовал на каноэ, посещая разные деревушки и покупая зверей, которых мне предлагали местные жители. В частности, в этом селении я нашел массу зверюшек, которых индейцы держали в домах, и часами торговался из-за каждой покупки: поскольку они не знали английского, а я не говорил на местных наречиях, объясняться приходилось на языке жестов.

Вдруг сквозь окружавшую меня толпу ко мне протиснулся мальчуган лет семи-восьми, неся в руке длинную палку. На конце палки было нечто напоминающее гигантскую куколку одной из крупных лесных бабочек. Однако при более тщательном рассмотрении это нечто оказалось карликовым муравьедом. Он повис на ветке и плотно закрыл глаза. Я купил его и обнаружил в этом крохотном существе, о котором не упоминалось ни в одной известной мне книге по естественной истории, много интересного.

Карликовые муравьеды достигают всего шести дюймов в длину, а плотная мягкая золотисто-коричневая шерстка делает их похожими на маленьких плюшевых медвежат. Их длинный цепкий хвост тоже покрыт густой шерстью. Ярко-розовые пятки задних лап имеют вогнутую форму, благодаря чему животное уверенно чувствует себя, когда лазает по деревьям. Вцепившегося в ветку задними лапами и хвостом карликового муравьеда оторвать невозможно, разве только серьезно покалечив его. У него, как и у других муравьедов, передние лапы короткие, но сильные; на каждой – по три крючкообразных когтя: два малых по

бокам и большой посередине. Ладонь его передней лапы напоминает розовую подушечку, и при необходимости длинные когти убираются в нее столь же молниеносно, как лезвия перочинного ножа.

Вдобавок ко всему, этим маленьким зверюшкам свойственна странная привычка, за которую аборигены прозвали их "Слава Те, Боже". Эти животные спят, цепляясь задними лапами и хвостом за ветки, с выпрямленной спиной, как у солдата на посту, и с воздетыми кверху передними лапками, будто и правда воздают хвалу Господу. На самом же деле этот жест имеет чисто защитное значение - если кто-нибудь нападет на зверька во время сна, мощные когти передних лап тут же растерзают обидчика в клочки. Карликовый муравьед принимает такую странную позу и тогда, когда напуган; вот так, на корточках, с поднятыми кверху лапами и закрытыми глазами, он может просидеть хоть полчаса, ожидая атаки.

Мой же карликовый муравьед оказался таким лентяем и соней и, похоже, так быстро смирился со своим пленением, что его даже не надо было сажать в клетку - он так и спал стоя в носовой части каноэ, словно фигура на носу старинного корабля, до самого лагеря. Я не очень хорошо представлял, чем кормить малыша, - из книг я знал, что мелкие животные питаются нектаром лесных цветов. В первый же вечер я развел в воде мед и повесил горшочек в клетке карликового муравьеда.

Около восьми вечера он начал подавать признаки жизни. Выйдя из неподвижного состояния, он принялся медленно, с опаской, лазить по веткам - точно старик на скользкой дороге. Наконец он обнаружил горшочек с медом. Повиснув на прутьях клетки как раз под ним, он тщательно обнюхал его своим маленьким розовым носиком и решил, что там, должно быть, таится что-нибудь съестное. Прежде чем я успел остановить его,

он уцепился когтем за край горшочка – и вот уже от ног до головы оказался облит медовой водой; это его рассердило, но по-настоящему он разозлился, когда я вынул его из клетки и принялся чистить кусочком ваты. Остаток вечера он провел, сидя на ветке и слизывая последние липкие капли со своей шкурки. Вода с медом ему очень понравилась, но приходилось давать ему посудину с узким горлышком. Научил горький опыт: однажды он целиком засунул голову в горшок и провел так всю ночь, облитый медом, так что к утру, когда я обнаружил его, он походил на живой мячик, облепленный опилками.

Но, конечно, водой и медом не насытишь даже такую крошку, и я попробовал дать ему муравьиных яиц. К моему удивлению, он отказался от них; когда же я принес ему живых муравьев, он проявил еще меньше внимания. Только благодаря чистой случайности я открыл, что он любит кузнечиков и мотыльков; когда я каждый вечер выпускал насекомых к нему в клетку, он гонялся за ними с большим энтузиазмом.

Как видите, гвианские муравьеды – не самые удобные для содержания в неволе животные, но они полны такого очарования, что все хлопоты окупаются с лихвой.

Глава десятая

ПРО ЖАБ С "КАРМАНАМИ" И ПРОЧИХ РОКОВЫХ ЖИВОТНЫХ

Речки и ручьи окружают селение Санта-Мария со всех сторон, так что, как ни крути, выходило, что мы живем на острове. Для меня явилось приятной неожиданностью, что эти водные протоки кишмя кишат кайманами, и я загорелся желанием наловить их побольше. Однако очень быстро выяснилось, что здешние крокодилы просто так в руки не дадутся – это тебе не Камерун, где ходи себе вдоль мелких речушек и хватай на песчаных отмелях сколько душе угодно. Речки вокруг Санта-Марии куда глубже и вдобавок, помимо кайманов, кишат такими малоприятными существами, как электрические скаты, не говоря уже о кровожадных рыбках-пираньях – упадешь в воду, хрум-хрум – и конец. Поэтому, чтобы моя охота на кайманов возымела успех, пришлось разрабатывать метод, применимый к местным условиям.

И вот мы плывем ночью на большом каноэ – я на носу, с факелом и длинной палкой, к которой привязана веревка со скользящей петлей на конце, а гребец на корме. Лодка медленно и плавно скользит по темной глади. Именно в тот раз я обнаружил, что молодых кайманов чаще всего можно встретить там, где выходит на поверхность густая водная растительность, – лежат себе, только носы да выпученные глаза видны над водой. Лодка медленно продвигалась вперед, а я водил вокруг фонарем, пока наконец его свет не отразился в глазах молодого каймана где-то в тридцати ярдах впереди. Свободной рукой я подал гребцу знак

приблизиться к заросшему участку, а затем замедлить ход и остановиться.

Светя рептилии прямо в глаза, я наклонился и аккуратным движением накинул ей на шею петлю. Рывок - и вот уже она с громким недовольным фырканьем бьется у меня в лодке! В ответ, словно в знак сочувствия пойманному собрату, раздалось фырканье множества молодых кайманов на много миль вокруг. Так-то я и узнал, где они скрываются, и вскоре у нас в лодке был уже целый мешок извивающихся рептилий.

Весьма странным обитателем здешних рек и ручьев является жаба под названием пипа. Возможно, жаба с "карманами" - одна из самых диковинных амфибий в мире. Я поймал несколько этих чудных созданий в заросшей водяными лилиями заводи на одной из больших по местным меркам речек. Жабы так сливались с грязными бесформенными листьями, что я не сразу признал их за что-то живое. Они имеют около пяти дюймов в длину и напоминают миниатюрные кожаные воздушные змеи с лапкой в каждом углу. Когда я ловил их, они не брызгали слюной и не сопротивлялись, как большинство жаб и лягушек, а смирнехонько лежали, надеясь, что маскировочная окраска, имитирующая мертвые листья, уберезет их.

Одной из пойманных мною особей оказалась самка с икрой, что особенно обрадовало меня: появился удивительный шанс понаблюдать за появлением на свет детенышей. Когда самка мечет икру, самец втискивает ее в мягкую губчатую кожу своей подруги, специально сотворенную природой так, чтобы ее принять. Поэтому сначала икринки кажутся прозрачными бусинами, вделанными в коричневую кожную ткань. Затем та половина икринки, что торчит над уровнем кожи, затвердевает, образуя своеобразную выгнутую крышку. Другая же половина находится как

бы в "кармане" на спине у самки. В защищенных таким образом икринках постепенно развиваются головастики, которые затем превращаются в миниатюрных жаб, столь крошечных, что шесть штук спокойно разместились бы на почтовой марке. Когда им приходит пора вылупляться, край возвышающейся над кожей скорлупы размягчается, и, извиваясь и толкая друг друга, крошечные создания откидывают крышку, словно дверцу запасного выхода из самолета, и ценой значительных усилий выкарабкиваются из этого своеобразного "инкубатора" на материнской спине.

Пойманную крупную самку я поместил в большой жестяной бидон, где она неподвижно лежала на поверхности воды; создавалось впечатление, будто она уже несколько дней как сдохла. Но я видел, что у икринок на ее спине отвердевает крышка, и терпеливо ждал, когда настанет время вылупляться крошечным жабам. Случилось это лишь тогда, когда я с живым грузом пересекал на пароходе Атлантику и уже был на полпути к дому. Да, прямо скажем, не лучшее они выбрали время для появления на свет.

Было уже около полуночи, когда я кончил работу и собирался вернуться к себе в каюту; но перед тем как погасить свет в помещении, где находились звери, я еще разок взглянул на жабу и заметил, что на спине у нее вырос небольшой черный побег. Присмотревшись, я увидел, что одна из крышек, защищавших икринки, откинута, а черный побег – это лапка жабенка, которой он размахивал туда-сюда, пытаясь избавиться от материнской опеки. Я наблюдал, как ему удалось высвободить и вторую лапку, потом голову; после этого он на мгновение замер и оглянулся вокруг, как крошечный шахтер, выходящий на поверхность после длительного пребывания в забое.

Чтобы выбраться на свет Божий, ему понадобилось четыре-пять минут. После этого он, очевидно вконец

измотанный борьбой за свободу, некоторое время полежал на спине у матери. Потом соскользнул в воду и принялся весело плавать вокруг своей родительницы. Я продолжал наблюдать, и вот уже вторая крышка откинулась, и новый жабенок помахал мне лапкой.

Пока я, поглощенный и очарованный сим необычным зрелищем, сидел на корточках, ко мне присоединились два матроса, возвращавшиеся с вахты. Увидев свет, они забеспокоились, не случилось ли чего и не требуется ли помощь, и несказанно удивились, увидев меня сидящим на корточках над бидоном в такой поздний час. Вполне естественно, последовал вопрос, что я делаю. Я рассказал матросам, что представляет собой жаба пипа, как я поймал ее в таинственных, изрезанных ручьями и речками землях, и сообщил, что сейчас из находящейся у нее на спине икринок вылупляются детеныши. Оба матроса сели на корточки рядом со мною, и вскоре стало ясно, что зрелище зачаровало их так же, как и меня.

Позже к нам подошли еще матросы, удивленные, что приключилось с их товарищами. Я снова рассказал им про жабу с "карманами", и они тоже присоединились к нам, заинтригованные появлением на свет крошечных жаб. Когда один из детенышей, который был слабее других, никак не мог вылезти на волю Божию, матросы забеспокоились и спросили меня, нельзя ли помочь ему выбраться с помощью спички. Я объяснил, что для такой крошки спичка – все равно что для нас ствол дерева, и как бы аккуратно мы ни пытались действовать, мы скорее всего поломаем ему лапки, тоненькие, словно нитки.

Когда детеныш наконец высвободился и в изнеможении упал на материнскую спину, по толпе зрителей пронесся вздох облегчения. Уже занялась заря, когда последние детеныши попрыгали в воду; мы поднялись и отправились в камбуз попросить кока

согреть нам чаю. И хотя в тот день все зевали на работе, никто не сомневался, что зрелище появления на свет крошечных жаб стоило того, чтобы ради него всю ночь просидеть на корточках.

Пипа была, конечно, не единственной редкой амфибией, с которой я столкнулся в этой изрезанной водными протоками земле. Природа щедро наделила Гвиану необычными жабами и лягушками. Наиболее диковинным после пипы созданием оказалась так называемая удивительная лягушка. Мы с другом наткнулись на нее как-то ночью, когда размышляли, что бы поймать. Подозвав меня, друг сказал, что ему попалось очень странное существо: похоже на головастика, но длиной в шесть дюймов, а голова размером с куриное яйцо. Мы долго спорили, что бы это могло быть. Он настаивал, что это какая-то необычная рыба, потому что если головастик такой огромный, то каких же размеров должна быть лягушка, в которую он превратится?! Я же был уверен, что это именно головастик. Во время спора я вспомнил, что в свое время читал об этом диковинном животном, – существо, которое попало к нам в руки, было не чем иным, как головастиком удивительной лягушки.

Жизненный цикл удивительной лягушки противоположен тому, который мы наблюдаем у обычной. Обычная лягушка получается из маленького головастика, у которого на определенной стадии развиваются лапки и отваливается хвост и который выходит на сушу уже полноценным лягушонком. Головастик же удивительной лягушки крупнее, чем сама лягушка, – и в этом заключается самое удивительное в ней.

Еще одна необычная амфибия, встречающаяся в этой части Южной Америки, – сумчатая квакша. Это небольшое создание производит на свет потомство почти столь же необычно, как и пипа. У самки на спине

есть большой разрез, похожий на карман; в него и помещается икра, о существовании которой самка практически забывает. Внутри кармана икринки развиваются в головастиков, у головастиков вырастают лапки и отделяется хвост; когда же приходит время, кожа на спине самки лопается, и оттуда выпрыгивают детеныши, каждый не больше булавочной головки.

Одной из самых маленьких, но поистине роковых амфибий, которую мы поймали в Британской Гвиане, является древолаз. Это земноводные длиной примерно в полтора дюйма, раскрашенные яркими необычными узорами: красные и золотые полосы по белому фону, розовые и синие – по черному; есть и другие сочетания. С виду милейшие создания – если наполнить ими жестянку, кажется, что она полна монпансье, а не живых существ. Но для индейских племен от них особая польза. Наловив побольше древолазов, их ставят поближе к огню. От жары их тела выделяют особую слизь, которую индейцы соскребают и хранят. Приготовленная особым способом, она представляет собой сильнейший яд, которым аборигены смазывают свои послушные стрелы. Если такая стрела попадет в животное, даже крупное, вроде дикой свиньи, яд сразит его наповал. Таким образом, для индейцев каждое из этих милых созданий является миниатюрной фабрикой яда.

Глава одиннадцатая, В КОТОРОЙ МОЙ ПИТОМЕЦ ПО ИМЕНИ КАТБЕРТ УСТРАИВАЕТ МНЕ РАЗВЕСЕЛУЮ ЖИЗНЬ

Одним из наиболее очаровательных, но утомительных созданий, что попали мне в руки в Британской Гвиане, был самец кюрассо. Как только я купил его, он почти сразу начал меня изводить. Кюрассо – это крупные птицы, размером с индюшку, с черным блестящим оперением, ярко-желтыми лапками и мощным желтым клювом; стоячие перья на голове, загибаясь, образуют невысокий хохолок. У них большие темные глаза с безумным выражением.

Его принес маленький толстый китаец. Когда я приобрел птицу, прежний хозяин посадил ее у моих ног. Гость постоял минуту-другую, сверкая глазами и выводя жалобное "пет-пет-пет" – звук, который мне казалось странным слышать от столь крупной и грозной с виду птицы. Я наклонился и почесал его по кудрявому гребню, и тут же Катберт зажмурил глаза и растянулся на земле, от наслаждения махая крыльями и издавая мягкие гортанные звуки.

Китаец уверял меня, что он совсем ручной и никуда не удерет, так что нет нужды запираить его в клетку. Поскольку Катберт с самого начала продемонстрировал такую привязанность ко мне, я поверил, что так оно и есть. Когда я прекратил чесать ему хохолок, он встал и направился прямо к моим ногам, по-прежнему смешно пища. Медленными шажками подойдя вплотную, он улегся на моих ботинках, зажмурил глаза и снова начал издавать гортанные звуки. Его характер показался мне

таким нежным и мягким, что я решил назвать его Катберт, и никак не иначе.

В первый же день, как эта птица оказалась у меня, я сидел за столиком в нашей хижине, собираясь сделать очередные записи в дневник. Тут Катберт, который до того спокойно расхаживал по комнате, решил, что пора пощекотать мне нервы. Громко хлопая крыльями, он вспорхнул на стол, прошелся по нему, все так же невинно пища, и попытался улечься на бумагу, на которой я писал. Я раздраженно оттолкнул его, а он с удивленным и возмущенным выражением ступил своей цыплячьей лапой в чернильницу – надо ли говорить, что ее содержимое пролилось как раз на мой дневник, две страницы которого пришлось переписать.

Пока я переписывал испорченный текст, Катберт предпринял ряд попыток бесцеремонно взобраться ко мне на колени, но все они решительно мною пресекались. Наконец он отошел в сторону и несколько минут простоял в глубоком раздумье. Поняв, что подкрасться ко мне медленным шагом не удастся, он решил взять меня наскоком: улучив момент, когда я отвернулся, он вспорхнул и попытался сесть ко мне на плечо, но, промахнувшись, приземлился с распахнутыми крыльями на стол, издал душераздирающий вопль и вторично опрокинул чернильницу. Я как следует накрутил ему хвост, и он со скорбным видом ретировался в угол.

В это время в хижину вошел мой приятель, в обязанности которого входило развешивать на ночь гамаки для спанья. Вытащив их из угла, где они лежали днем, он принялся развязывать веревки; за этим занятием его и застал Катберт. Поняв, что надоел мне как горькая редька, он решил попробовать – а вдруг мой приятель окажется к нему благосклоннее? Осторожно выползая из своего убежища, он развалился позади ног моего напарника и блаженно закрыл глаза.

Борясь с веревками и гамаками, мой приятель неожиданно шагнул назад и, естественно, наступил на птицу. Та издала тревожный крик и снова ретировалась в угол. Подождав, пока мой друг снова весь уйдет в работу, она вновь выползла из своего убежища и улеглась у него в ногах. Потом раздался грохот – это мой приятель полетел на пол, увлекая за собой гамаки, москитные сетки, веревки и мешковину. Вскоре из всей этой кучи высунулась голова Катберта, страшно раздраженного таким бесцеремонным обращением. Сочтя, что Катберт достаточно нахулиганил за вечер, я отнес его к остальным питомцам, привязал за ногу длинной веревкой к массивному ящику, точно преступника, и оставил что-то попискивающим про себя.

Поздно ночью меня разбудил страшный крик, доносившийся со стороны клеток. Выпрыгнув из гамака и схватив ночник, который я на всякий случай всегда держал у постели, я бросился посмотреть, что же произошло, и обнаружил Катберта на полу, слегка попискивающим и с ошалелым взглядом.

А произошло вот что. Ознакомившись со всеми клетками, он решил, что лучше всего устроиться спать на клетке с беличьими обезьянами. Ну и залез, а того не учел, что его длинный хвост будет свисать как раз перед прутьями и в лунном свете обезьяны непременно заметят его. Так оно и вышло. Страшно заинтригованные, что же это такое висит у них под самым носом, они просунули лапы сквозь прутья клетки пощупать. Когда Катберт почувствовал, что его схватили за хвост, он решил, что на него напало какое-то чудовище, и взмыл ввысь, словно ракета, оставив в лапах обезьян пару перьев из своего пышного хвоста. Мне потребовалось немало времени, чтобы успокоить его, а затем я привязал его на новом месте, где он мог спать спокойно, не опасаясь нападения из-за угла.

Перевезя Катберта в наш базовый лагерь, я выпустил его в большой сад, где держал животных. Он не оставил привычки путаться у всех под ногами и, когда кто-нибудь спотыкался-таки о него, с явным удовольствием издавал дикий крик – мол, надо под ноги смотреть! Сад был обнесен высоким забором из рифленого железа, перелететь который Катберт не мог. Тем не менее он пребывал в убеждении, что, если усердно тренироваться, можно достичь верхушки. Вот он и тренировался. Отходя на десять ярдов и поворачиваясь к забору, он разгонялся с разъяренным видом, так яростно хлопая крыльями, что его тяжелое тело и в самом деле с шумом отрывалось от земли.

Но набрать нужную высоту ему не удалось ни разу. Ему даже не приходило в голову попробовать взлететь с полпути – всякий раз он начинал вертикальный взлет у самого забора, и я боялся, что когда-нибудь он расшибется насмерть. Каждая попытка сопровождалась пронзительными криками, что-то вроде: "Сезам, откройся!" Затем следовал страшный удар, и Катберт в туче перьев скатывался вниз по рифленому железу; стараясь удержаться, он ужасающе скрежетал по нему когтями. Но, как видно, эти упражнения не причиняли вреда ни ему, ни забору; больше того, он испытывал от этого наслаждение, так что я в конце концов оставил его в покое.

Но вот в один прекрасный день, приготовившись к очередному поединку с забором, Катберт, к своему удовольствию, обнаружил, что кто-то забыл возле него стремянку. Когда она попала мне на глаза, Катберт уже успел забраться на верхнюю площадку и восседал там, безмерно гордясь собою. Пока я подскочил к стремянке, чтобы сцапать его, Катберт уже взмахнул крыльями, перелетел через забор и приземлился на дорогу. Осмотревшись, он быстренько почистил перья и поскакал к рынку. Я тут же кликнул всех своих

помощников, и мы бросились ловить беглеца. Оглянувшись и увидев, что мы всей толпой догоняем его, он пустился бежать изо всех сил. Мы веселым хороводом гонялись за ним вокруг рынка; к нам присоединились половина торговцев и почти все покупатели, но только полчаса спустя наша погоня увенчалась успехом. Когда беглеца тащили обратно в сад, он оглушительно пищал.

Среди птиц, немало нас развлекавших, следует назвать еще крупных, ярко окрашенных попугаев ара. Я покупал их у разных людей в Гвиане уже совершенно ручными. Всех попугаев ара в Гвиане почему-то зовут Роберт, как в Англии – Полли, так что, когда покупаешь попугая, заведомо знаешь, что он сейчас заревет, как сирена, и выкрикнет свое имя. Таких птиц у нас набралось восемь, и они коротали время в длинных и забавных разговорах между собою, используя одно только слово – "Роберт". Один скажет вопросительно: "Роберт?" Другой ответит: "Роберт, Роберт, Роберт". "Р-р-р-оберт!" – подтвердит третий и так далее. При этом они столь многозначительно покачивают головами, что я был почти готов поверить в значимость этих глупых бесед.

Одна пара попугаев совершенно не выносила неволю, ибо их прежние хозяева позволяли им летать по всему дому и за его пределами. Пока мы были в Джорджтауне, я тоже разрешал им летать по саду, но когда настало время отправляться в Англию, пришлось таки посадить их в клетку. Это была прекрасно сделанная клетка, с передней стенкой из толстой проволоки, но я не учел, что эти птицы своими мощными клювами способны разнести в щепы любое дерево. Действительно, не прошло и трех дней пути, как эта пара раздолбила одну из стенок, и вся конструкция с треском рухнула. Трижды чинил я клетку, и трижды они разносили ее в щепы. В конце

концов я сдался и позволил им летать где вздумается. Но чаще всего они просто спокойно гуляли по крышам клеток, переговариваясь со своими собратьями на странном "Роберт"-языке.

Глава двенадцатая, ГДЕ Я РАССКАЗЫВАЮ О РАЗЛИЧНЫХ ЖИВОТНЫХ, В ТОМ ЧИСЛЕ ОБ ОПОССУМЕ, КОТОРОГО ЗДЕСЬ ЗОВУТ "НЕОСТОРОЖНЫМ ЛУНАТИКОМ"

Одним из самых забавных животных, встречающихся в Гвиане, является цепкохвостый дикобраз. Это небольшое толстенькое существо, покрытое черными и белыми иглами, с длинным голым хвостом, предназначенным для лазания по деревьям. У него толстые плоские задние ноги и два маленьких круглых глаза, похожих на пуговицы. Если бы они не были такими смешными, к ним можно было бы проникнуться сочувствием: всегда стараются сделать как лучше, а получается наоборот.

Если, например, такому зверю дать четыре банана, он сперва попытается все четыре взять в рот. Когда после нескольких попыток он придет к заключению, что его рот недостаточно велик для этого, он будет долго сидеть, шевеля выпуклым носом и размышляя, что же делать. Подберет банан и держит в пасти, затем возьмет в каждую переднюю лапу по банану и вдруг с огорчением обнаружит, что на полу остается еще один. Тогда он выпустит из зубов один плод и подберет другой, но, увидев, что один банан по-прежнему лежит на полу, бросит все и опять погрузится в раздумья. Только через полчаса ему приходит в голову блестящая идея – сесть да съесть один банан, тогда оставшиеся три он сможет взять с триумфом – по одному в каждую лапу и один в зубы.

Эти дикобразы имеют своеобразную привычку устраивать состязания по боксу. Заберутся два таких зверя на верхние ветки в своей клетке, усядутся поудобнее на корточки, обмотав вокруг веток свои могучие хвосты для безопасности, а затем накидываются друг на друга, нанося невыносимые апперкоты и короткие тычки; все это время их носы двигаются из стороны в сторону, а маленькие круглые глаза, как ни странно, исполнены выражения покорности и даже беспокойства. Самое удивительное в этих состязаниях то, что они иной раз могут длиться до получаса, однако же не было случая, чтобы один дикобраз покалечил другого.

Иногда после очередной встречи соперникам хочется немножко пожонглировать. Найдут старую косточку манго или что-нибудь в этом роде, сядут опять же на корточки и начнут перебрасывать из лапы в лапу – с виду настолько неумело, что кажется, вот-вот выронят. Но этого никогда не случается. Наблюдая их, я всегда вспоминал клоунов, которых видел в цирке: в неуклюжих ботинках, со скорбным выражением на лице, они вечно попадают в какие-нибудь передраги или с самым серьезным видом смешат публику.

Кроме прочих диковинных созданий, Гвиана может похвастаться самым крупным в мире грызуном, который называется капибара, или водосвинка. Она и в самом деле напоминает гигантскую морскую свинку размером с крупную собаку и весом около пятидесяти килограммов. В длину она достигает четырех футов, а в высоту двух, так что, если сравнить ее с обычной английской полевой мышью, которая вместе с хвостом едва ли составляет четыре с половиной дюйма и весит одну шестую унции, никому и в голову не придет, что они родственники.

Первую капибару я получил вскоре после прибытия в Джорджтаун; я бы даже сказал, слишком скоро. Я еще

не успел выбрать подходящее место для базового лагеря, и мы жили в небольшом пансионе на окраине города. Хозяйка любезно разрешила нам держать любых животных, которых мы приобретем, у нее в саду. Через несколько дней у меня уже были одна диковинная птица да пара-тройка обезьян, которых я разместил в клетках, поставленных возле клумб. И вот однажды вечером вошел некто, ведя на поводке огромную взрослую капибару. Пока я торговался с хозяином, животное с весьма аристократическим видом отправилось расхаживать по саду, время от времени срывая цветок, очевидно считая, что я за ним не слежу.

Я поместил грызуна в новую длинную клетку в форме гробика, с передней стенкой из особо прочной проволоки, положил ему туда самых разнообразных деликатесов и оставил в покое. Комната, где мы с приятелем спади, выходила в сад. Около полуночи мы были разбужены каким-то странным звуком, будто кто-то играл на арфе под аккомпанемент жестянок. Я задумался, что бы это могло быть, и вдруг вспомнил о капибаре.

С диким криком: "Капибара удирает!" - я выскочил из постели и выбежал в сад прямо в пижаме. Тут же ко мне присоединился приятель. Однако в саду все было тихо-мирно, а наш грызун сидел себе на задних лапах, высокомерно задрал нос. Мы с другом заспорили, капибара ли издавала этот звук. По мнению друга, это никак не могла быть капибара - посмотри, с каким невинным видом она сидит! Я возражал, что это могла быть только она - потому и прикинулась овечкой. Поскольку звук больше не повторялся, мы решили снова отправиться на боковую, но не успели лечь, как та же зловещая музыка раздалась вновь и еще громче прежнего. Выглянув из окна, я при лунном свете увидел, что клетка капибары дрожит и трясется.

Тихо спустившись по лестнице и осторожно подкравшись, мы наконец разглядели, чем занимался наш грызун. Он с весьма презрительным выражением наклонял морду вперед и, схватив огромными кривыми зубами проволочную сетку, натягивал ее и отпускал, отчего вся клетка вибрировала, словно арфа. После того как звук затихал, он поднимал мясистый зад и принимался топтать по жестяному подносу, громяхая, словно весенняя гроза. Очевидно, это он так сам себе аплодировал. Да нет, никуда он убежать не собирался, просто демонстрировал свой талант музыканта.

Но о том, чтобы разрешить ему продолжать в том же духе, не могло быть и речи – хлопот не оберешься, когда посыплется жалобы со стороны других жильцов пансиона. Поэтому мы убрали из его клетки поднос, а переднюю стенку накрыли мешковиной в надежде, что он успокоится и ляжет спать, – да и нам пора было на покой. Не тут-то было! Стоило отойти на несколько шагов, как тот же жуткий дребезжащий звук вновь наполнил сад. Что же делать? Мне ничего не приходило в голову. Пока мы спорили, в дверь постучали несколько разбуженных постояльцев и сказали, что звери убегают и своим шумом всех перебудили. Я, конечно, принес всем глубокие извинения, а сам думал, как бы остановить несчастного грызуна.

Наконец мой друг подал блестящую идею – отнести капибару вместе с клеткой в Музей естественной истории неподалеку отсюда, с хранителем которого он состоял в приятельских отношениях. Там животное можно оставить на попечение ночного сторожа, а на следующее утро забрать. Надев одежду поверх пижам, мы вышли в сад, подкрались к длинной, похожей на гроб, клетке, завернули ее в мешки и понесли. Капибара, недовольная тем, что мы так грубо прервали ее сольный концерт, носилась из угла в угол, от чего клетка раскачивалась, как качели. До музея было всего-

то ничего, но из-за ее выкрутасов нам несколько раз приходилось останавливаться и отдыхать.

Мы свернули за угол на тропку, что вела к воротам музея, и тут же столкнулись с полицейским. Он смерил нас подозрительным взглядом – чего это мы тут шляемся в час ночи, в наспех наброшенной поверх пижам одежде, да еще с каким-то странным ящиком вроде гроба?! Может, это грабители, волокущие добычу после налета на один из ближайших домов? Или убийцы, несущие в гробу труп жертвы? Наш рассказ о том, что это всего-навсего грызун под названием капибара, мало удовлетворил его. Пришлось развернуть мешковину и продемонстрировать ему наше чудовище. Убедившись, что мы говорим правду, он сменил гнев на милость и даже помог дотащить клетку до ворот музея. Затем мы принялись хором звать ночного сторожа, а зверюга, очевидно, чтобы успокоить наши нервы, сыграл что-то из своего репертуара – должно быть, самое любимое – на толстой проволоке. На наши крики никто не вышел, и стало ясно, что ночной сторож, где бы он ни находился, явно отлынивает от своих обязанностей. Немного поломав голову, как нам быть, полицейский предложил отнести грызуна на местную бойню – может, хоть там его покараулят до утра.

По дороге на бойню нам снова пришлось пройти мимо пансиона, и я предложил пока оставить клетку с животным в саду, а самим добежать до бойни и разведать, дадут ли ему там приют. Путь до бойни оказался неблизким, и я понял, что мы правильно поступили – не стоило тащить его в такую даль только затем, чтобы выяснить, что оставить его здесь нельзя.

Пристроив в саду нашего грызуна, который по-прежнему сочинял песенки, аккомпанируя себе на проволоке, мы, зевая от усталости, пустились в путь по спящим улицам и, сбившись раз или два с дороги, добрались-таки до бойни, где, к нашей радости, горел

свет. Мы бросили в окно пару камушков, и тут же высунулся пожилой негр и спросил, что нам нужно. Когда мы объяснили, что нам нужно приютить на ночь капибару, он решил, что мы сбежали из сумасшедшего дома, и утвердился в своем мнении, узнав, что мы не принесли с собой животное.

Спросив меня, кто такая капибара, и выслушав мои разъяснения, старик обеспокоенно покачал головой:

- Так это же бойня, - сказал он. - Это для коров. Здесь грызунам не положено.

В конце концов мне удалось убедить его, что капибара - это что-то вроде коровы, только чуть поменьше, и что не сгрызет же она за одну ночь бойню. Уладив это дело, мы отправились в пансион за зверем. Войдя в освещенный лунным светом сад, мы заглянули в клетку и обнаружили, что наш бандюга дрыхнет без задних ног, свернувшись в углу калачиком и слегка пофыркивая. Мы решили больше не трогать его и остаток ночи проспали как убитые. Спустившись на следующее утро проведать своего мучителя, мы увидели, что капибара вполне довольна жизнью и отнюдь не выглядит усталой.

В Гвиане обитает также несколько видов опоссумов, примечательных в первую очередь тем, что это - единственные за пределами Австралии животные, которые, подобно кенгуру, носят детей в кармане. У всех опоссумов в Южной Америке длинная лохматая шерсть, а голыми хвостами они похожи на крыс, одни размером с кошку, а другие меньше мыши. Впрочем, увидев, как они лазают по деревьям, убеждаешься, что зверьки не имеют ничего общего с крысами. А лазают они так же ловко, как обезьяны, используя для этого не только все четыре ноги, но и хвост, который обвивается вокруг веток, словно змея.

Самым привлекательным из гвианских опоссумов мне показался маленький "неосторожный лунатик", как

называют его аборигены, потому что, по слухам, он выходит только в полнолуние. Эти зверюшки очаровательны: черная как уголь спинка, лимонно-желтое брюшко, розовый хвост, лапки и уши, а над темными глазками - густые белые брови, словно два белых банана. Размером они с обыкновенную крысу, хотя носы куда острее и хвосты значительно длиннее.

Первого "неосторожного лунатика" - он же пушистый опоссум - мне принес мальчик-индеец, поймавший его ночью у себя в саду. Я как раз собирался возвращаться в базовый лагерь, на берегу реки меня ждал паром, и нельзя было терять ни секунды. На полпути к причалу я вспомнил, что для этого маленького существа нужна клетка, а на пароме ее наверняка не окажется. Тогда я решил вернуться в деревенский магазинчик и раздобыть там коробку. Мой приятель ринулся вперед, чтобы задержать паром, а я вместе с обеспокоенным зверьком, повисшим на веревке, бросился как сумасшедший к магазинчику.

Выложив из большой коробки жестянки с разными припасами, торговец протянул ее мне. Схватив коробку и на бегу поблагодарив его, я опрометью бросился назад, к набережной. Мальчик-индеец, провожавший меня, ловко ее нес остаток пути на голове. Бежать по пыльной дороге под палящим солнцем было невыносимо, но всякий раз, когда я останавливался перевести дыхание, с реки доносился рев парома - экипажу надоело меня ждать, и в тот самый момент, когда я добрался до набережной, их терпение иссякло и они уже хотели убирать сходни и отчаливать.

На борту судна, отдышавшись, я принялся мастерить из коробки клетку для зверька. Когда клетка была готова, настала очередь отвязывать зверька от веревки. Опоссум же был настроен далеко не дружелюбно, шипел на меня, как гадюка, и кусал за пальцы, но я сумел-таки развязать веревку.

Тут я заметил у него между задними ногами странную выпуклость, похожую на сосиску. Я испугался, что у зверька повреждены внутренности. Когда я аккуратно ощупал это место, шкурка неожиданно отошла, и моим глазам открылся длинный неглубокий карман, в котором прятались четыре дрожащих розовых детеныша.

Так вот, оказывается, что таилось в этой выпуклости! А я-то думал, не приключилась ли со зверьком какая беда... Мамаша, надо сказать, была очень раздражена тем, что я без спросу залез к ней в карман, больно цапала меня и громко кричала. Когда я водворил ее в клетку, первое, что она сделала, – села на задние лапы и открыла карман, чтобы убедиться, все ли детеныши на месте. Затем она причесала свою шкурку и принялась есть фрукты, которые я ей принес.

Когда детеныши подросли, им стало тесно в узком тайнике, а вскоре там уже помещался только один из них. Обычно малыши лежали на полу клетки неподалеку от матери, но если что-то пугало их, они опрометью бросались к спасительному кармашку, так как знали: спрячется только тот, кто добежит первым, а остальные останутся снаружи один на один с опасностью. Мамаша-опоссумиха, гуляя по клетке, приглашала детенышей к себе на спину; так они и катались, цепко вцепившись в материнскую шкуру и обвив длинные розовые хвосты вокруг ее тела в объятии, исполненном любви.

Глава тринадцатая, В КОТОРОЙ МНЕ ПОПАДАЕТСЯ ЧЕТЫРЕХГЛАЗАЯ РЫБА

Когда я был в Британской Гвиане, я горел желанием раздобыть несколько видов красивых крохотных птичек – колибри. Мне посчастливилось встретиться с охотником, который был особенно искусен в их ловле, и недели через две он принес мне маленькую клетку, где порхали пять-шесть колибри, столь часто вибрируя крыльями, что создавалось впечатление, будто в клетке поселился целый пчелиный рой. Мне всегда говорили, что колибри очень трудно содержать, и поэтому я очень волновался о судьбе приобретенной мной первой партии.

Колибри питаются цветочным нектаром, запуская в цветок свой длинный тонкий клюв и вылизывая содержимое тонким язычком. В неволе, конечно, придется приучать их к смеси воды с медом с добавлением небольшого количества специальных концентратов. В условиях тропической жары эта смесь быстро прокисает, так что трижды в день приходится готовить новую. К тому же предстояло научить их брать пищу из стеклянного стаканчика – они ведь привыкли есть из ярких пестрых цветов и поначалу могут не понять, что в стаканчике еда.

Когда они только поступили ко мне, я аккуратно вынимал каждую птичку из клетки и, держа в руке, погружал ее клюв в стаканчик, и так по несколько раз, пока она не высовывала язычок попробовать содержимое на вкус; а уж раз попробовав, принималась с жадностью сосать. Убедившись, что птичка насосалась досыта, я пересаживал ее в новую клетку,

где уже стояла посуда с едой, которую я накрывал алым цветком гибикуса.

Дальше события обычно разворачивались так. Колибри, сама не больше шмеля, восседает на жердочке, чистит перья и что-то тихо самовлюбленно чирикает. Потом срывается с жердочки и порхает по клетке, как вертолет, у которого вместо винта – крылья. Вполне естественно, что она замечает цветок гибикуса, спускается к нему и погружает туда свой клюв. Высосав из цветка весь его собственный нектар, она продолжает опускать клюв ниже и вскоре, просунув его между лепестками, добирается до меда и принимается быстро сосать его, постоянно порхая в воздухе. Не более чем через сутки птички поняли, что в стаканчике, подвешенном к прутьям клетки, имеется обильный запас сладкого меда, и мне уже не нужно было украшать его цветком для привлечения их внимания. Крохотные птахи чувствовали себя вполне счастливо и за какие-нибудь два дня сделались столь ручными, что принимались за свое медовое питье, не дожидаясь, пока я повешу стаканчик на стенку; порой они даже садились мне на руку отдохнуть и почистить перышки.

В нашем лагере в Джорджтауне постоянно случалось что-нибудь неожиданное. Никогда не знаешь, когда кто заявится и каких новых животных принесет. То придет старик с мартышкой на плече, то мальчик с проволочной клеткой, полной диковинных птиц, а то возвратится из недельного похода в глубь страны профессиональный охотник на конной повозке, уставленной клетками, полными необычных существ.

Однажды в лагерь пришел весьма почтенного возраста индеец и вежливо подал мне корзину из прутьев рафии. На мой вопрос, что там, старик ответил, что крысы. Если так, то можно спокойно открывать крышку – они обычно никогда не пытаются вылезти. Ничего не подозревая, я это и сделал, но вместо крыс в

корзине оказались обезьянки-мармозетки (они же игрунки обыкновенные), которые тут же повыскакивали наружу и разбежались в разных направлениях. После бешеной охоты, длившейся более получаса, нам удалось отловить и водворить в клетку всех. Я же получил хороший урок: надо осторожнее открывать корзинки, принесенные посетителями, – ведь никогда не знаешь, как поведет себя те, что внутри.

Мармозетки – одни из самых маленьких обезьян, размером с крысу; у них длинный пушистый хвост и умные рожицы. Оранжево-красные лапы ярко контрастируют с черной-пречерной шерсткой на остальных частях тела. Мы предоставили им просторную клетку, где они могли лазать и прыгать сколько душе угодно, а для спанья служила коробка с прорезанными в ней дырками. Каждый вечер они садились у двери клетки, визжа и болтая о чем-то в ожидании ужина. На ужин каждой выдавался горшочек молока и пяток кузнечиков на закуску; все слопав, они выстраивались в шеренгу и во главе со старшей торжественным шагом уходили к себе в коробку, где сворачивались в один большой клубок. Как они умудрялись так спать и не задыхаться, для меня осталось загадкой; но очевидно, что и на воле эти обезьянки спят все вместе.

Однажды ко мне в сад пришел высокий негр, ведя на поводке очень странное животное. Оно было похоже на гигантскую морскую свинку, покрытую крупными белыми пятнами. У него были темные глаза и пушистые белые усы. Это оказалась не кто иная, как пака – ближайшая родственница морской свинки и упоминавшейся выше капибары. Когда мы сошлись в цене, я спросил негра, где и в каком возрасте он подобрал ее и удалось ли ему ее приручить. Погладив паку, тот принялся уверять меня, что взял ее детенышем и что более нежное создание трудно себе

вообразить. К тому времени у меня уже накопилось много животных и не хватало клеток. Что ж, подумал я, раз пака ручная, то я просто привяжу ее к ближайшему колышку. Сказано – сделано. Выдав ей овощей, я совершенно забыл о ней.

Несколько позже, идя от клетки к клетке и вынимая миски с водой, чтобы помыть их, я неожиданно услышал странное ворчание. "Уж не тигр ли забрел сюда?!" – подумал я. Тут кто-то как схватит меня за ногу! Я подскочил и уронил миски, которые так тщательно собирал. А цапнула-то меня пака, собственной персоной, только вот непонятно почему: она казалась такой ручной, когда появилась в лагере! Брюки были разорваны, нога кровоточила. Я, конечно, страшно рассердился, но что толку? Всю следующую неделю к ней невозможно было приблизиться – если кто-то осмеливался пройти мимо, она кидалась на него, скрежеща зубами и злобно рыча. Но по истечении недели так же внезапно сменила гнев на милость и снова стала ручной – позволяла чесать себя за ушами и гладить брюшко, когда лежала на боку. Поведение ее менялось все время, пока она была со мною, – подходя к ее клетке, никогда не знаешь, встретит ли она тебя дружелюбно или опять вцепится в ногу своими острыми зубами.

Одним из самых необычных созданий, которых мы приобрели в Джорджтауне, оказалась маленькая рыбка длиной четыре-пять дюймов. Несколько таких рыбок нам принесла в старом жестяном чайнике милая старушка-негритянка. Заплатив за них и пересадив в большую миску, я сразу понял, что в них есть что-то необычное, но не сразу смог сообразить что. И вдруг я заметил, что глаза у этих рыбешек какие-то странные. Тогда я бросил одну в стеклянный кувшин, пригляделся и обомлел: у этой рыбешки было четыре глаза!

Большие и выпуклые, они выдавались над поверхностью головы, как у бегемота. Каждое глазное яблоко четко делилось пополам – на верхнюю и нижнюю половины. Я узнал, что "нижние" глаза смотрят под воду, наблюдая за тем, не собирается ли атаковать какая-нибудь крупная рыба, а "верхние" ищут пищу и следят за опасными птицами. Это одно из самых удивительных средств защиты, которые я наблюдал у братьев наших меньших, да и сама рыбка не менее удивительна.

В Гвиане обитает также одна из самых редких на свете птиц – гоацин, прозванная аборигенами "Анна-вонючка" за сильный мускусный запах⁽⁵⁾. У этой птицы такая особенность: у птенцов на каждом крыле имеются два хорошо развитых когтя (у взрослых птиц когтей нет). Вылупившись из яйца, птенец уже через несколько часов вылезает из гнезда, построенного в колючем кустарнике над рекой, и принимается, как обезьяна, лазать по тонким веткам, цепляясь своими коготками. В случае опасности он, не раздумывая, ныряет в воду на глубину десять футов, поскольку плавает, как рыба, а затем с помощью когтей опять взбирается на куст и залезает в свое гнездо. Гоацин – единственная на свете птица, способная на такое.

Глава четырнадцатая О ГИГАНТСКИХ КАЙМАНАХ И УЖАСНЫХ ЭЛЕКТРИЧЕСКИХ УГРЯХ

Содержать моих питомцев непосредственно в Джорджтауне было выгодно со многих точек зрения. Во-первых, там не было недостатка в пище для всей огромной оравы, а во-вторых, отправляясь на рынок за провизией, можно было приобрести еще каких-нибудь редких животных, которых приносили на продажу из глубинки. Большим преимуществом была также близость аэропорта, и я регулярно отправлял в Англию заказанных животных самолетом. Лучше всего переносят воздушное путешествие рептилии, так что приблизительно каждые две недели я, набив несколько больших ящиков жабами, лягушками, черепахами, ящерицами и змеями, отсылал их в аэропорт.

Перевозка рептилий по воздуху существенно отличается от перевозки морским путем. Во-первых, отправка самолетом требует иной упаковки. Например, для крупной партии змей нужен просторный легкий деревянный ящик. Каждую змею нужно посадить в небольшой хлопчатобумажный мешок, тщательно завязанный веревкой, а каждый мешок повесить на гвоздь – тогда можно не беспокоиться, что змеи съедят друг друга. Воздушное путешествие из Британской Гвианы в Англию во времена, когда писалась эта книга, продолжалось три дня, и единственное, что требовалось змеям в пути, – это вода, так как они могут долго обходиться без пищи. Я плотно кормил их накануне отправки, и в воздухе они лежали свернувшись в своих мешочках и переваривали пищу. К

тому времени, когда этот процесс заканчивался, рептилии как раз достигали Англии.

Лягушек, жаб и мелких ящериц следует пересылать также в мешочках и примерно по тем же правилам, что и змей. Но для крупных ящериц, таких, как зеленая игуана, требуются специальные клетки. В каждой такой клетке, куда помещается пять-шесть штук, должно быть много веток, чтобы им было за что цепляться. В отношении кайманов я убедился в том, что если молодые отлично чувствуют себя во время воздушного путешествия, то взрослые его на дух не переносят; вдобавок их приходится перевозить в тяжелых деревянных клетках, что делает "неподъемной" стоимость транспортировки. В итоге большая часть взрослых кайманов поехала со мной в Англию на корабле.

Самый маленький кайман, которого я поймал в Британской Гвиане, был чуть более шести дюймов в длину – должно быть, он только что вылупился из яйца. Самый же крупный превышал двенадцать футов, и с ним пришлось изрядно повозиться. Мы поймали его в большой реке, протекавшей по северным саваннам; таких рептилий там можно ловить хоть сотнями, и, кроме того, река кишела огромными электрическими угрями. Поскольку у меня был заказ от одного английского зоопарка именно на крупного каймана, мы решили, что лучшего места для ловли не найти. Мы выбрали небольшую заводь, напротив которой, примерно в ста пятидесяти ярдах, находился остров, облюбованный этими рептилиями.

Снасть, которую я поставил на кайманов, была гениально простой, но весьма эффективной. Мы вытащили носами на берег два тяжелых каноэ, чтобы они наполовину оставались в воде, и расположили их на расстоянии примерно ярда друг от друга, так что между ними образовался небольшой канал. Сюда я и

поставил удилице, к концу которого привязал веревку со скользящей петлей; в качестве приманки была выбрана дохлая и жутко смердящая рыбина. Чтобы добраться до нее, кайману придется сунуть голову в петлю, которая тут же туго затянется. Другой конец веревки я накрепко привязал к толстому стволу дерева, росшего примерно в шести футах от берега. Снасть я поставил поздно вечером, но не был уверен, что до утра что-нибудь попадется.

Ночью, перед отходом ко сну, мне пришла в голову счастливая мысль еще раз проверить готовность и надежность снасти. Когда мы с другом подошли к тому месту, где поставили ловушку, до нас донесся странный глухой звук. Размышляя, что бы это могло быть, мы ринулись вперед, и вот какое зрелище предстало нашим глазам: в пространство между двумя каноэ заполз огромный кайман и, как я и рассчитывал, сунул голову в петлю, потянувшись за приманкой. Снасть моментально сработала, и веревка туго затянулась вокруг его шеи. Светя фонарями, мы видели, как гигантская рептилия извивается и бьется, да так, что в борьбе растолкала обе лодки далеко в стороны; ее огромная пасть раскрывалась и закрывалась, верхняя челюсть опускалась вниз, как топор мясника на колоду, а могучий хвост, вспенивая воду, колотился о борта обеих лодок, так что мы даже удивились, как это он не разнес их в щепы. Дерево, к которому была привязана веревка, шаталось при каждом рывке, и, когда кайман, очевидно выдохшись, неожиданно прекратил борьбу и смирно улегся во вспененной воде, оно еще продолжало трястись.

Тут я допустил непростительную глупость. Наклонившись, я взялся обеими руками за веревку и потянул на себя. Почувствовав натяжение, кайман возобновил борьбу с удесятеренной силой. Он рванул веревку, и я оказался на самом краю обрыва, упираясь

только пальцами ног, но не выпуская из рук веревки. Я сознавал, что еще один такой рывок, и я грохнусь прямо на покрытую чешуей спину крокодила и даже если избегну его могучих челюстей, то одного удара мускулистого хвоста окажется достаточно, чтобы от меня осталось мокрое место. К счастью, ко мне присоединился приятель, и теперь мы оба держались за веревку, что дало мне возможность отползти на более безопасное место и обрести надежную точку опоры. Неожиданно кайман снова успокоился, и мы решили, что самое лучшее – сбегать домой и взять там веревки попрочнее, поскольку, если оставить его на ночь, он точно порвет веревку и уплывет. Так мы и поступили. Вооружившись, кроме всего прочего, еще несколькими фонарями, мы поспешили назад, к реке. Кайман по-прежнему лежал смиренно, тараща на нас огромные глаза, каждый размером с грецкий орех.

Первое, что следовало сделать, – обезвредить его зубастую пасть. Для этого мы аккуратно надели ему на морду петлю, тщательно завязали и привязали к дереву. Пока мой приятель светил фонарем, я подполз к лодке и, дрожа от страха, набросил другую петлю ему на хвост и протащил ее до самых задних лап. Эту петлю я тоже надежно завязал и накрепко привязал веревку к дереву. Теперь, когда кайман был с ног до головы опутан веревками, можно было со спокойной душой оставлять его на ночь и отправляться спать.

На следующее утро, прихватив с собой аборигенов, мы снова отправились на берег реки и стали разрабатывать план, как извлечь гигантскую рептилию из воды и втащить ее наверх по крутому обрыву, чтобы потом погрузить на машину. Индейцы принесли с собой длинную толстую доску, к которой можно было привязать чудовище, но в такой мелкой воде это невозможно было проделать: пузо каймана наполовину зарылось в грязь. Единственный выход – ослабить

веревки и оттащить рептилию на более глубокое место, где привязать его к доске не составит труда. Операция прошла успешно, но следовало еще вытащить каймана на берег и поднять наверх. Наша команда в двенадцать человек провозилась с ним битых полтора часа – ноги вязли в жидкой глине и после каждых нескольких дюймов, на которые нам удавалось подвинуть объемистую тушу, приходилось останавливаться и отдыхать; за это время он не раз соскальзывал вниз, и все начиналось сначала. Наконец после долгой возни нам удалось втащить его на берег. Там мы положили нашего мучителя на невысокую зеленую траву и сгрудились вокруг – мокрые, с ног до головы в глине, но довольные собой!

Другим обитателем здешних вод, доставившим нам много хлопот, был электрический угорь. Мы с приятелем целыми днями странствовали в большом каноэ по глухим ручьям и речкам, добираясь до самых отдаленных индейских деревушек и покупая там прирученных обитателей здешних лесов. Мы в один день приобрели, кроме всего прочего, ручного цепкохвостого дикобраза, а в последней деревне, что мы посетили, нам принесли плетеную корзинку с молодым электрическим угрем. Я был особенно рад этой покупке, потому что электрический угорь попадал ко мне впервые. Мы сели в каноэ и пустились в обратный путь. Я сидел на носу, а в ногах у меня, свернувшись, спал дикобраз. Тут же стояла корзинка, в которой извивался угорь с надеждой вырваться. Позади меня сидел приятель, а за ним – два гребца, заставлявшие двигаться нашу утлую посудину.

Первым, кто поднял панику, когда угорь выбрался-таки из корзинки, был дикобраз, который, с ума сойдя от страха, полез ко мне на колени; он влез бы и на голову, если бы ему это позволили. Не понимая, в чем дело, я передал его приятелю и нагнулся посмотреть,

что же нагнало на зверька такой страх. Оказывается, угорь выбрался на волю и скользил по направлению к моим ногам. Я так испугался, что подпрыгнул на месте, а когда приземлился, то угорь уже благополучно уполз дальше, и я на него не наступил.

Между тем он полз к моему приятелю. Я крикнул ему: "Берегись!" Он, держа дикобраза в руках, сделал попытку отскочить в сторону, но не удержался и рухнул спиной на дно каноэ. Проскользнув мимо распростертого тела, угорь двинулся к первому из гребцов. Тот, будучи таким же храбрецом, как и мы двое, бросил весло и уже собирался сигануть за борт.

Ситуацию спас единственный не струсивший член команды – второй гребец, которому, очевидно, было не впервой выбрасывать из лодок электрических угрей во время плавания по гвианским рекам. Он просто нагнулся и подцепил тварь веслом. Я бросил ему корзинку, и несколькими ловкими движениями он водворил угря на место. У нас словно гора с плеч свалилась, и мы даже пытались шутить по поводу пережитого.

Как потом оказалось, смеяться было рано. Наш избавитель передал корзинку с угрем своему партнеру, тот – моему приятелю, и, когда очередь дошла до меня, дно у корзинки отвалилось, и угорь снова оказался в нашей компании. К счастью, на сей раз он повис на борту каноэ, словно крокетные ворота. Один резкий конвульсивный рывок – и наш пленник с плеском исчез в темной воде.

Таков был удручающий итог пятнадцати волнующих минут! Впрочем, впоследствии нам удалось приобрести несколько подобных тварей, так что о потере этого угря мы больше не жалели. А нервы он нам потрепал здорово: ведь мощности заряда, который способен накопить крупный электрический угорь, хватит, чтобы убить коня вместе со всадником. Так порою и случается

в разных частях Латинской Америки, когда люди и лошади переплывают реки. Органы, генерирующие ток, находятся по обе стороны тела этого создания, так что фактически электрический угорь представляет собой гигантскую аккумуляторную батарею. Когда угорь плавает, он похож на крупную толстую змею; сталкиваясь на пути с рыбиной, он внезапно останавливается, вздрагивает всем телом – и вот уже жертва бьется в конвульсиях и, парализованная или убитая, тихо идет ко дну; тут-то угорь бросается на нее и захватывает ртом, обязательно с головы. Опустившись на дно, он в течение нескольких минут усваивает пищу, затем всплывает, высовывает на поверхность нос, делает глубокий вдох и снова устремляется на поиски очередной жертвы.

Часть третья
МОИ СТРАНСТВИЯ ПО
АРГЕНТИНЕ И ПАРАГВАЮ

Глава пятнадцатая, В КОТОРОЙ Я ВЫХОЖУ НА ОХОТУ С ГАУЧО.[\(6\)](#)

Теперь я расскажу о своей поездке за редкостными животными. Это была шестимесячная экспедиция в Аргентину и Парагвай. По своему животному миру Аргентина совершенно не похожа ни на одну южноамериканскую страну. Поскольку почти вся территория страны покрыта заросшими травой степями, которые называются пампа, животные, естественно, приспособлены к обитанию на огромных открытых пространствах. Аргентинская пампа, на удивление, плоская – стоишь в одной точке, и, сколько видит глаз, всюду трава, словно тянущееся до самого горизонта сукно бильярдного стола. В этой высокой траве произрастает гигантский чертополох, отличающийся от нашего, английского, только размерами. Здесь он достигает в высоту шести и даже семи футов, и глаз радуется, когда взору предстают огромные пространства, покрытые цветущим чертополохом, – кажется, что зеленая трава подернута лиловой дымкой.

Ловля диких животных в этих травяных зарослях – не такое простое занятие, как может сначала показаться. Во-первых, большинство из них живут в норах и выходят промышлять только ночью. Во-вторых, здесь почти отсутствуют деревья и кустарники, так что зверь может обнаружить присутствие человека издалека. Если даже животное само не заметит охотника, его не замедлит предупредить об опасности птица зук – самая надоедливая, с точки зрения ловца животных, птица в пампасах. Эти пернатые очень

изящны и несколько напоминают английских зуйков – у них черное с белым оперенье и держатся они всегда парами. Они отличаются чрезвычайно острым зрением и повышенной чуткостью – как только замечают что-нибудь необычное, сразу поднимаются с земли и издают резкий предупреждающий крик "Теро... теро... теро... теро...", услышав который животные на много миль вокруг настораживаются.

Одним из типичных созданий, населяющих эти территории, является волосатый броненосец. Эти животные обитают в норах, которые они выкапывают себе сами и которые достигают в длину тридцати – сорока футов. Они выходят на промысел только ночью и, если что-то их беспокоит или тревожит, бегут напрямик к своим жилищам и зарываются в них. Разумеется, и охотиться на них предпочтительнее ночью, притом безлунной, в крайнем случае – когда светит только что народившийся месяц. И вот мы выезжаем с нашего ранчо и скачем в какое-нибудь подходящее место. Там мы спешиваемся, берем фонари и двух охотничьих собак, особо искусных в поиске этих маленьких животных. Если хочешь, чтобы ловля броненосцев увенчалась успехом, ты должен уметь быстро бегать. Собаки уходят вперед, водя носами по земле; обнаружив броненосца, они поднимают лай, и добыча бросается в направлении своей норы. Если укрытие близко, то шансы изловить броненосца невелики. Правда, в первую же ночь, когда мы вышли их ловить, нам удалось добыть и некоторых других представителей местной фауны.

...Мы прошагали уже около двух миль, осторожно прокладывая себе путь сквозь заросли чертополоха, – ведь при неосторожном обращении шипы этого растения могут исколоть не хуже, чем иглы дикобраза. Внезапно впереди залаяли собаки, и мы ринулись туда, то спотыкаясь о торчащие из земли пучки травы, то

перескакивая через них и постоянно лавируя между кустами чертополоха. Но темень была такая, что я то и дело врезался в них и, пока добежал до места, был с ног до головы исколот.

Засветив фонари, мы увидели, что же привлекло внимание собак. Перед нами в вызывающей позе стояло полосатое черно-белое существо величиной с кошку с торчащим трубой роскошным пушистым черно-белым же хвостом. Это был не кто иной, как полосатый скунс. Он смотрел на нас без тени тревоги, явно убежденный, что без труда расправится и с нами, и с псами. Он то и дело слегка пофыркивал и, подпрыгивая на передних лапах, приближался к нам на два-три коротеньких шажка. Если бы мы осмелились подойти поближе, он повернулся бы к нам задом. Собаки, прекрасно знавшие, какое коварное оружие этот зверек может пустить в ход, держались от него на почтительном расстоянии, но одна имела неосторожность подскочить к нему в попытке схватить.

Сделав в воздухе сальто, скунс приземлился к собакам спиной – и вот уже псина катается по земле, визжа и царапая морду когтями, а прохлада ночного воздуха сменяется самой жуткой вонью, какую только можно себе вообразить. Даже мы, стоявшие значительно дальше, с чиханьем и кашлем отскочили назад; по нашим щекам струились слезы, будто кто-то бросил в нас гранату со слезоточивым газом. Продемонстрировав таким образом свою волю к победе, скунс повернулся к собакам мордой и сделал навстречу один-два прыжка, как бы намекая, что лучше им убираться туда, откуда пожаловали. Намек был понят. После этого он повернулся к нам с таким же точно намеком, и нам ничего не оставалось, как ретироваться, и чем скорее, тем лучше. Прорвав окружение, зверек пару раз победно махнул пушистым хвостом и, явно упоенный победой, скрылся в траве.

Мы решили, что больше не стоит иметь с ним дело, отозвали собак и продолжили путь. Собака, атакованная скунсом, смердела после этого еще три-четыре дня; нечего и говорить, что жуткий запах, исходивший от ее шкуры, преследовал нас всю ночь. Ловля скунсов с целью содержания их в неволе – нелегкая задача: если оставлять им анальные железы, то каждый раз при малейшем испуге они будут нещадно орошать своим "одеколоном" всех, кто окажется рядом. Эти железы легко удаляются посредством несложной операции, но только у молодых особей.

Прошло еще немного времени, и лай собак раздался снова. Опять бешеная скачка через траву и чертополох, и вот мы видим, что на сей раз наши собаки выследили броненосца. Животное несло со всех своих коротеньких ног к безопасному месту, а собаки, твякая от возбуждения, наступали ему на пятки, безуспешно пытаясь схватить за бронированную спину. Зато мы легко поймали его – за хвост, и вот он уже у нас в мешке. Воодушевленные первой за эту ночь удачей, мы пустились в путь в надежде поймать еще одного броненосца; но следующей добычей оказался совсем другой зверь.

Мы продирались через небольшой кустарник, догоняя собак, как вдруг из-под ног у нас выскочило и кинулось в заросли чертополоха небольшое существо, похожее на крысу. Псы бросились в погоню, и вскоре мы увидели, как преследуемое ими существо упало замертво. Мы отозвали собак и приблизились; это оказался крупный опоссум, размером с небольшую кошку. У него была пятнистая – местами шоколадная, местами белая – шкурка, длинный нос, похожий на крысиный, и голые, как у миниатюрного мула, уши.

Я принялся было жаловаться охотникам, что собаки погубили такого ценного зверя, но те в ответ только

расхохотались и сказали, чтобы я посмотрел хорошенько. Будучи уверенным, что зверь издох, я посветил фонариком и обнаружил, что он хоть и едва заметно, но дышит. Я потрогал его, затем перевернул на другой бок, но, что бы я ни делал, никакой реакции. Это своеобразная форма защиты – он думал, что, приняв его за мертвого, мы оставим его в покое и уйдем. Но когда мы сажали его в мешок, он сделался очень даже бойким – поняв, что фокус не удался, он извивался, плевался, шипел, словно кошка, и больно кусался. Впоследствии мы наловили еще немало таких существ, и всех – за исключением самых юных, которые, очевидно, еще не успели усвоить уловки взрослых, – вышеописанным способом.

На обратном пути к ранчо собаки выследили еще одного броненосца. На сей раз я получил хороший урок – понял, какой силой может обладать небольшое по размеру животное. Собаки обнаружили его неподалеку от норы, к счастью, мы были рядом, но, пока добрались, он уже успел сунуть морду в отверстие. Тут один из охотников фантастическим прыжком скакнул вперед и схватил его за хвост как раз в тот момент, когда броненосец уже почти ушел под землю. Тут подскочили мы с другим охотником – он вцепился в правую, я – в левую заднюю ногу; таким образом, в нору ушли только морда и передние конечности, но зверь успел-таки вгрызться в землю зубами и, главное, выгнул спину так, что она уперлась в верхний свод. И вот мы трое тянем-потянем, а вытянуть не можем! Тут, слава Богу, явился четвертый член команды; с помощью перочинного ножа он подрезал дерн, и, навалившись, мы дружными усилиями вытащили броненосца, как пробку из бутылки; от неожиданности мы все повалились на спины и чуть не выпустили его из рук, а уж он свой шанс не упустил бы, это точно.

Впрочем, оба пойманных нами броненосца вскоре привыкли к неволе и сделались совершенно ручными; я содержал их в особой клетке, и у каждого было свое место для спанья. Целый день они лежали на спине бок о бок, щелкая челюстями и издавая сдавленные хрипы; хоть ори на них, хоть стучи по клетке, хоть щекочи их розовые складчатые животы – ни в какую, будут спать как убитые! Единственным способом разбудить их было погремать миской для еды – стоит ее чуть-чуть задеть, и оба, как по команде, проснутся и побегут к тебе, сверкая глазами.

Все виды броненосцев употребляются аборигенами Южной Америки в пищу. Я сам не пробовал, но меня уверяли, что вкус у зажаренного прямо в панцире броненосца такой же, как у молочного поросенка. Многие гаучо (гаучо в Южной Америке то же, что ковбои в Северной) ловят этих животных и содержат в бочках с землей, как в кладовых, а по особым случаям достают и жарят.

...Мы собрались в обратный путь с нашими первыми пленниками, как вдруг в неподвижном ночном воздухе до меня донесся топот копыт по дерну. Звук все приближался и приближался, но в нескольких шагах от нас внезапно стих. Я подумал, не потусторонние ли это силы, – вдруг это дух какого-нибудь предка нынешних гаучо, вечно скачущий по пампе? На мой вопрос, откуда стук копыт и где же в таком случае конь, мои спутники-аборигены в унисон пожали плечами и хором ответили:

– Туко-туко.

Вот теперь я понял, кто издавал такой странный звук. Туко-туко – это маленький зверек, размером с крысу, с круглой пухлой мордочкой и коротким пушистым хвостом. Он выкапывает себе для жилья просторные галереи как раз под слоем дерна и по ночам выходит на поиски съедобных корней и растений. У этого зверька очень чуткий слух, и когда он

улавливает звук шагов по дерну над своим жилищем, то издает предупреждающий звук, чтобы все собратья вокруг знали об опасности. Каким образом он производит этот звук, прекрасно имитирующий стук копыт скачущей лошади, для меня осталось загадкой, – может быть, крик его, резонирующий в длинных коридорах, на расстоянии и похож на этот стук. Как видите, туко-туко очень осторожное животное, и сколько я ни испробовал методов, мне ни разу не удалось поймать это существо, столь обычное для фауны пампы.

Во время странствий по Аргентине мне больше всего хотелось снять фильм о старомодном, полузабытом способе охоты гаучо. Этот стиль ныне практически исчез, хотя многие гаучо и теперь помнят его. Охотник преследует зверя или птицу верхом; а оружие знаете какое? Смертоносный "болеадорас", представляющий собой связку из трех шаров на длинных веревках. Охотник раскручивает этот нехитрый снаряд у себя над головой и бросает в преследуемого зверя. Когда "болеадорас" настигает ноги жертвы, шары разлетаются в разные стороны, и животное оказывается на земле, опутанное веревками.

В Южной Америке обитает разновидность страуса – нанду. Он не такой крупный, как его африканский собрат, и оперение у него не черно-белое, а пепельно-серое, но общая черта, которая их роднит, – умение фантастически быстро бегать. На эту птицу в основном и охотились с "болеадорас" в те благословенные времена, когда нанду бродили по пампе огромными стадами. На ранчо, принадлежащем моему другу, до сих пор обитает немало этих птиц, и он был столь любезен, что уговорил гаучо устроить охоту на них, чтобы я мог ее заснять.

Мы выехали ранним утром: я с кинокамерой и различными принадлежностями – на небольшой

повозке, гаучо – на своих великолепных конях. Мы проехали несколько миль, продираясь сквозь заросли гигантского чертополоха. Вдруг мы спугнули пару зуйков, которые взмыли в воздух и, к нашему неудовольствию, принялись кружить над нами с тревожными криками, предупреждая о нашем появлении все живое на много миль вокруг. Вдруг мы услышали пронзительные крики гаучо, сообщавшего о том, что добыча рядом. Я встал в своей повозке и увидел, как нечто серое быстро лавирует в зарослях чертополоха, и вдруг первый нанду выскочил на открытое пространство. Он выпрыгнул, словно танцовщик, на секунду остановился, поглядел на нас и, вытянув голову и шею, рванулся вперед; когда он бежал, ноги его почти касались подбородка. Тут один гаучо выскочил из чертополоха ему наперерез. Страус резко затормозил, развернулся и помчался в обратном направлении огромными шагами, как будто у него ноги были на пружинах. Вскоре он и преследовавшие его гаучо скрылись из виду. Прежде чем я успел повернуть за ними, из кустарника выскочила страусиха – она меньше, чем самец, и оперение у нее куда светлее. К моему удивлению, она не бросилась вслед за самцом, а просто стояла в траве, встревоженно переминаясь с ноги на ногу. В зарослях послышалось шуршание, и тут я понял, почему страусиха не обратилась в бегство – из чертополоха вышли десять страусят; их круглые тела, размером вдвое меньше футбольного мяча, покрытые мягким пухом в желтовато-коричневую и белую полоску, неуклюже балансировали на тонких ножках. Страусята сгрудились у мамшиных ног, и она с любовью взглянула на них; потом она легкой трусцой побежала по пампе, а птенцы, выстроившись в линию, последовали за нею. Разумеется, у нас не было никакого желания ни пугать, ни преследовать ее и

потомство, так что мы развернули повозку в противоположном направлении.

Вскоре к нам на всем скаку подлетел гаучо и с сияющими глазами сообщил, что видел невдалеке крупное стадо нанду, спрятавшихся в кустах чертополоха. Он объяснил, что, если бы мы поехали туда, он с другими гаучо окружил бы страусов и погнал на меня, чтобы я мог их заснять. Я хлестнул коня, повозка затряслась по травянистым кочкам, и вскоре мы оказались возле огромных колючих зарослей, где притаились птицы. Рядом расстилалось огромное, похожее на зеленую скатерть пространство, очень удобное для съемок. Пока я готовил осветительные приборы и прочие принадлежности, мой аргентинский друг держал надо мной японский зонтик, иначе солнце в несколько минут раскалило бы камеру и испортило цветную пленку.

Когда все было подготовлено, я дал сигнал и услышал вдали громкие крики гаучо, гнавших лошадей на колючие заросли; вот уже слышно, как ломается и хрустит под их копытами чертополох. Тут раздался дикий вопль – это был знак, что страусы выскакивают из своего убежища, и через несколько секунд пятеро из них вырвались из зарослей и понеслись по траве. Они бежали, как и тот первый, почти доставая ногами до подбородков; я думал, что они бегут на предельной скорости, но вскоре понял, что ошибался. Как только гаучо с шумом выскочили на открытое пространство, со свистом раскручивая над головами свои снаряды, все страусы, словно наскипидаренные, понеслись с вдвое-втрое большей скоростью. Вскоре они скрылись за горизонтом, где растаяли и крики охотников, и топот копыт, и щелканье кнутов.

Я знал, что в конце концов гаучо настигнут птиц и погонят их на меня, и через какие-нибудь четверть часа в поле моего зрения снова оказались бегущие страусы,

топающие ногами по иссушенной почве; за ними галопом скакали охотники, чьи резкие крики смешивались со свистом "болеадорас". Страусы, прежде бежавшие кучно, теперь развернулись клином; когда они были примерно в сотне ярдов от меня, один понесся прямо в направлении повозки, где я стоял с камерой. Гаучо погнался за ним, чтобы вернуть назад, в стадо. С каждой секундой дистанция между скачущим конем и бегущей птицей сокращалась; чем быстрее приближался ко мне преследуемый, тем сильнее вскипал во мне страх, что страус не заметит тележки и меня с кинокамерой. Сцена была столь захватывающей, что я не выпускал из рук кинокамеры, но все же перспектива быть сбитым с ног птицей весом в несколько сот фунтов, несущейся на тебя со скоростью двадцать миль в час, не внушала оптимизма. В последнюю секунду, когда уже казалось, что вот-вот страус, кинокамера, треножник и ваш покорный слуга смешаются в кучу в высокой густой траве, птица вдруг заметила меня, и в глазах ее сверкнул ужас. Она повернулась под углом девяносто градусов и бросилась наутек.

Когда чуть позже я замерил дистанцию, то обнаружил, что страус был всего в каких-нибудь шести футах от меня, и то мгновение, которое понадобилось ему, чтобы сделать поворот, помогло гаучо настичь его. Свистнул в воздухе меткий "болеадорас" - и вот уже страус, поверженный и опутанный прочными веревками, извивается и бьется в траве. Гаучо тут же спешил и ловко схватил птицу за ноги. Для этого требовались большой опыт и сноровка - ведь одного удара ноги страуса достаточно, чтобы от ловца осталось мокрое место. Сняв несколько раз птицу крупным планом, мы развязали веревки. Страус еще несколько секунд смирно лежал на траве, потом

встал на ноги и медленным шагом поплелся в чертополох к своим собратьям.

На обратном пути мы наткнулись на гнездо нанду – простое углубление в земле, и в нем десять крупных бело-голубых яиц. Они были еще теплые – значит, самец, который их насиживал, только что сошел с гнезда, может быть слышав наше приближение, хотя вообще-то в период насиживания они бывают очень злы и опасны. Гаучо сообщили мне, что порою две-три самки откладывают яйца в одно и то же гнездо, и там собирается двадцать – двадцать пять яиц. Все заботы о насиживании лежат на нанду-самце⁽⁷⁾, так что самке остается только отложить яйца и возложить на самца заботы по их высиживанию. Когда птенцы вылупляются, заботу о них снова берет на себя мать, готовя потомство к жизни в большом, открытом мире.

Глава шестнадцатая, В КОТОРОЙ У МЕНЯ МАССА ХЛОПОТ С ЖАБАМИ, ЗМЕЯМИ И ПАРАГВАЙЦАМИ

Парагвайское Чако - обширная плоская равнина, простирающаяся от реки Парагвай до подножия Анд. Эта земля почти такая же плоская, как бильярдный стол; в течение одной половины года она твердая, как кость, под лучами безжалостного солнца, а в течение другой половины из-за зимних дождей на три или четыре фута покрыта водой. Поскольку она лежит между тропическими лесами Бразилии и травянистой пампой Аргентины, то представляет собой причудливую смесь того и другого. Тут и огромные луга, на которых растут пальмы, и колючие кустарники, увитые растениями с диковинными тропическими цветами. Пальмы перемежаются с деревьями, похожими на те, что встречаются в английских лесах, с той только разницей, что с их ветвей свисают длинные нити серого испанского мха, бесшумно развевающиеся на ветру.

Мы устроили наш базовый лагерь в небольшом городке на берегу реки Парагвай. Отсюда далеко в глубь страны убегает узкоколейка, пересекающая Чако. По расшатанной, местами прогнувшейся опасной колее шириной каких-нибудь два фута ходит фордовский паровозик. Этим далеким от комфорта способом передвижения мы и пользовались, забираясь в самые глухие уголки страны в поисках редких животных. Высокая насыпь, по которой бежит узкоколейка, является, возможно, единственной возвышенностью на огромной территории, и кажется, что вокруг нее собираются все представители парагвайской фауны.

Путешествуя в крошечном вагончике, я видел сотни диковинных птиц, населяющих подлесок по обеим сторонам узкоколейки: туканы с огромными смешными клювами, прыгающие и перелетающие с ветки на ветку; сериемы, похожие на крупных серых индюшек, и повсюду – милые черно-белые мухоловки и колибри. Порою, когда поезд делает поворот, можно увидеть животных, бесстрашно лежащих у самых рельсов. Это бывает и броненосец, и агути, похожий на гигантскую красную морскую свинку, а если повезет, встретится гривастый волк – крупное животное со стройными ногами, одетое в неопрятную, но свободную рыжую шкуру.

Первые экземпляры для нашей коллекции мы получили вскоре после того, как основали лагерь. Слух о том, что мы покупаем животных, быстро распространился среди местных жителей, и они часто ловили для нас всякое зверье. Одним из тех, кто легко дался в руки, был трехпоясный, или, как его здесь называют, оранжевый шаровой, броненосец. Это название было дано ему из-за привычки сворачиваться в оранжевый шар. Действительно, это единственный броненосец, способный, подобно ежу, сворачиваться клубком, и, более того, единственный из всего семейства, который регулярно выходит на поверхность в дневное время. Бродя в поисках пищи – съедобных корней и насекомых, – это маленькое животное, лишь только заподозрит опасность, превращается в неподвижный шар в надежде, что потенциальный противник примет его за камень, на который он и в самом деле очень похож. Но если обнаружишь такого вот свернувшегося клубком броненосца, его очень легко поймать. Ловцы, проезжающие подлеском и натыкающиеся на него, просто спешиваются и кладут его в мешок.

Кроме того, все виды броненосцев очень легко содержать в неволе. Их кормят фруктами, овощами и порченным мясом. Несколько труднее было как раз с шаровыми броненосцами – они поначалу наотрез отказывались от пищи, которой питались на воле, и даже пугались, когда им предлагали насекомых. После многочисленных проб я наконец приучил их к смеси из сырого мяса, яиц и молока с добавлением витаминов. Они как будто привыкли к ней, но вскоре возникла новая проблема. Оказывается, их задние лапы не переносят деревянного пола клетки, и вскоре кожа на них была изодрана в клочья. Приходилось каждый день вынимать их из клетки и смазывать ноги мазью, содержащей пенициллин; но чем же заменить пол? Попробовал грязью, но поскольку они проливали в нее свое молоко, а затем еще и утапывали, то, застывая, она превращалась в своеобразный цемент, который ранил броненосцам лапы не хуже деревянного пола. Наконец придумал идеальный вариант – толстый слой опилок, по которому они могли топтать сколько душе угодно без всякого вреда для себя.

Парагвайцы, как и аргентинские гаучо, ловят и употребляют этих животных в пищу; но у парагвайских трехпоясных броненосцев мощный роговой панцирь тоже идет в дело. Иногда его сворачивают, скрепляют проволокой – и готова небольшая корзинка, а иногда пустой панцирь внутри обтягивают кожей, прикрепляют к нему ручку и натягивают струны – и вот вам своеобразная маленькая гитара. Таким образом, аборигены Чако активно охотятся за трехпоясными броненосцами не только ради изысканного блюда.

Поскольку огромные равнинные территории регулярно затопляются, то здесь можно встретить самые диковинные виды амфибий и рептилий. Одно из обычных для этих мест создание, наводящее ужас на аборигенов, – жаба-рогатка. Она достигает огромных

размеров - самый крупный из пойманных нами экземпляров с трудом поместился на небольшой тарелке. У этих амфибий великолепная изумрудно-зеленая, серебряная и черная окраска по кремовому фону. Вдобавок у них, наверное, самый широкий в жабьем мире рот. Когда жаба-рогатка раскрывает его, она как бы раскалывается пополам, словно небезызвестный Шалтай-Болтай. Кожа над каждым глазом складывается в небольшую пирамидку, отчего создается впечатление, будто это два рога. Надо сказать, что эта жаба, очевидно, самое невоспитанное и злобное земноводное из всех существующих на земле. Большую часть времени они проводят, зарывшись в мягкую грязь, так что на поверхности видны только рога и глаза. Если попытаться вытащить ее оттуда, она страшно раздражается и принимает агрессивный вид. Встав на толстенные неуклюжие лапки, она мелкими прыжками двигается тебе навстречу, раздуваясь и открывая рот так широко, что видишь ее бледно-желтое нутро; при этом она громко, визгливо тявкает, будто рассерженный пекинес.

Аборигены Чако твердо убеждены, что рогатки смертельно ядовиты. Я-то знаю, что ядовитых жаб вообще не существует, и, поймав первую жабу-рогатку, решил продемонстрировать местному населению, что эти земноводные в действительности абсолютно безобидны. Я вынул жабу из коробки, и она тут же забила у меня в руке, громко тявкая и широко разевая рот. Я засунул ей туда палец, желая показать, что укус ее совершенно безопасен, - и через секунду пожалел об этом. Ее челюсти сомкнулись как тиски, а маленькие, но острые зубы глубоко впились в живую ткань. Было до того больно, как будто я прищемил палец дверью; прошло не менее минуты, прежде чем я смог разжать ей челюсти и выдернуть свой несчастный палец, который опоясала глубокая кровоточащая бороздка.

Она зажила только на следующий день, а темная отметина от жабьих зубов сохранялась еще долго. Это послужило мне хорошим уроком – теперь я обращался с ними куда почтительнее, когда ловил.

В этих же краях мне попалась еще одна примечательная амфибия, во многом схожая с жабой-рогаткой, только выпуклости у нее над глазами не заостренные, а закругленные. У этих лягушек шоколадно-коричневая спинка и белое, с желтоватым оттенком, брюшко. В отличие от жабы-рогатки, они всю жизнь проводят в воде, распростершись по поверхности, над которой видны только глаза. Как и жаба-рогатка, эта лягушка не отличается добрым нравом, и, если ее рассердить, она тоже будет тявкать, только на более высокой и продолжительной ноте. Особенно красиво выглядит шкурка этих лягушек, когда, рассердившись, они раздуваются, словно воздушный шар. Местные жители рассказывали, что она может даже лопнуть. Я, правда, никогда не был свидетелем этого, но готов поверить, что такое бывает.

Разумеется, там, где водятся жабы и лягушки, неизбежно отыщутся и змеи, для которых эти земноводные – излюбленное лакомство. Не является исключением и Чако – здесь множество самых диковинных змей. Есть, например, гремучие змеи; есть копьеголовые – пожалуй, наиболее опасные в Южной Америке; есть любопытные виды водяных и древесных змей – одни яркой окраски, другие – блеклой.

Ядовитые змеи всего мира делятся на три группы. Из них смертельно ядовиты те, у кого ядовитые зубы находятся на переднем конце верхнечелюстной кости. Обычно такие змеи выделяют значительное количество яда. У другой группы смертоносные зубы находятся на заднем конце верхнечелюстной кости, и обычно они не столь длинные. Такие змеи используют яд не столько при самозащите, сколько при поимке добычи; яд у них

не так опасен, и очень часто от их укуса даже такое маленькое существо, как ящерица, не гибнет, а лишь оказывается на время парализованным; впрочем, яд такой змеи тоже может проникнуть в кровь, так что этого опыта следует избегать.

Одной из милейших представительниц змеиного племени, пойманных нами, оказалась змея с капюшоном. Кажется, будто эта змейка вылита из темной бронзы, украшенной еще более темными крапинками. У этой рептилии странная привычка – рассердившись, она расширяется в области шеи, примерно так же, как разъяренная кобра. Эта слабоядовитая змея питается лягушками и мелкими грызунами, иногда может поймать и птицу. На эту добычу не нужно много яда, так что, несмотря на столь угрожающий внешний вид, ее укус хоть и чрезвычайно болезнен, но не смертелен.

Пожалуй, самая красивая змея в Чако – коралловый аспид. Это весьма опасные небольшие рептилии, но их окраска заранее предупреждает вас об их местонахождении. Они достигают в длину от восемнадцати дюймов до двух футов; их тело с головы до кончика хвоста опоясано кремовыми, черными и розовыми или красными кольцами.

Назовем также гигантскую анаконду – огромную водяную змею, родственницу африканского питона, которая точно так же хватает и душит добычу. Об этих змеях написано множество историй, большая часть которых – чистейшей воды вымысел. Самая крупная зарегистрированная особь достигала в длину двадцати пяти футов, тогда как малайский питон может достигать тридцати и более. Как и все гигантские змеи такого рода, анаконда не отличается подлым нравом и не свернет с пути с целью напасть на вас, если, конечно, вы не будете ее трогать. В противном случае эта рептилия может вцепиться в вас зубами да еще и

обвить вокруг пару колец, а если она крупная, то неприятностей не оберешься.

Разумеется, на затопляемых землях Чако немало подобных рептилий. Однажды местный фермер пришел ко мне и сказал, что предыдущей ночью одна из них совершила налет на его курятник и стащила двух кур. Он показал след от анаконды, тянущийся по смятой траве в сторону болота, располагавшегося позади фермы. Сообщив, что знает место, где залегла эта змея, переваривая пищу, он обещал отвести меня туда, если у меня возникнет желание поймать воровку.

И вот мы скачем по болоту к тому месту, где, по словам фермера, залегла анаконда. Но как бы мы ни были осторожны, анаконда заметила нас первой, и когда мы приблизились, увидели только рябь на поверхности воды. При такой глубине преследовать змею верхом было затруднительно, и нам осталось только спешиться. Я соскочил с коня, схватил мешок и помчался со всех ног в том направлении, куда уплыла анаконда. Я видел, как она, извиваясь, плывет в направлении края болота, рассчитывая скрыться в густом подлеске; но с набитым брюхом она не могла быстро ползти, так что я сцапал ее в невысокой траве задолго до того, как она смогла достичь кустов.

Поймать такую крупную змею оказалось довольно просто – бери за хвост и тяни к себе, пока не схватишь позади головы. Так я и сделал – вытащил разъяренную анаконду из подлеска и схватил позади головы, прежде чем она смогла повернуться и укусить. Она была всего девяти футов длиной, так что я великолепно справился с ней в одиночку – чтобы совладать с более крупным экземпляром, мне потребовался бы помощник. Схватив анаконду за шею, я просто прижал ее к земле; тут подоспел мой приятель, и мы вместе засунули извивающуюся и шипящую добычу в мешок.

При ловле змей любых видов, даже таких, как анаконда, необходимо соблюдать следующее правило: по возвращении в лагерь непременно осматривать их. Для этого существует несколько причин. Во-первых, как бы осторожно ты ни поймал ее, есть опасность, что у змеи оказалось поврежденным одно из ее тонких ребер, а это причинит немало хлопот. Во-вторых, нужно убедиться, нет ли на ней клещей, а если таковые имеются, удалить их - ведь змее весьма затруднительно сделать это самой. Клещи прицепляются между чешуйками, иногда в таком количестве, что чешуйки отваливаются и из-под них проглядывают проплешины. Поэтому, если хочешь, чтобы с внешностью рептилии ничего не случилось, необходимо избавить ее от клещей.

Хуже всего то, что просто так оторвать клеща нельзя: если под поверхностью кожи останется его ротовая часть, то на этом месте появится небольшая ранка, которая рискует превратиться в долго заживающую язву. Лучше всего удалять клещей с помощью небольшого количества парафина, а если такового нет, то просто прижигать их сигаретой. Тогда они разожмут челюсти и отвалятся сами.

Кроме того, нужно выяснить, нет ли на рептилии старых ран: вдруг она нуждается в помощи! Когда змея регулярно по нескольку раз в год меняет кожу, старая кожа остается лежать блестящим прозрачным слепком самой хозяйки. Но при этом должны еще отвалиться две похожие на часовые стекла чешуйки, покрывающие глаза. Нередко змея, пытаясь скорее избавиться от старой кожи, рвет ее, ползая через колючие растения и по острым скалам, и хотя кожа неизбежно слезает, чешуйки на глазах могут и остаться. Это приводит к частичной слепоте змеи, а если они остаются надолго, то и к полной. Поэтому у вновь пойманной змеи нужно непременно осмотреть глаза.

Глава семнадцатая ИСТОРИЯ ОБЕЗЬЯНКИ ПО ИМЕНИ КАЙ, ЕНОТА ПО ИМЕНИ ПУХ И ЕДИНСТВЕННОЙ МУРАВЬЕДИЦЫ- КИНОЗВЕЗДЫ, КОТОРУЮ ЗВАЛИ САРА ХАГГЕРЗАК

Чако не отличается разнообразием, но в ходе экспедиции нам все же посчастливилось приобрести экземпляр одного из самых редких видов. Он называется дуркули, или обыкновенная ночная обезьяна, – единственный вид ночных обезьян. У нее огромные глаза, похожие на совиные; спинка серебристо-серая, а брюшко и грудка лимонно-желтые. Днем эти обезьянки спят в дуплах деревьев и в других темных местах, а вечером, как только спускается тьма, вылезают из укрытий и большими компаниями странствуют по лесу в поисках пищи – фруктов, насекомых, древесных лягушек и птичьих яиц.

Когда мы поймали Кай – так мы ее назвали, она была очень худой и выглядела весьма несчастной, но несколько недель хорошей кормежки (а молока и рыбьего жира ей давали вдоволь) сделали свое дело: она стала очаровательным и совершенно ручным существом. Правда, она очень нервничала, так что к ней требовался несколько иной подход, чем к другим обезьянам. Я сделал ей изящную клетку, в верхней части которой находилась квадратная спаленка. Кай была, как и все обезьянки, очень любознательной и не могла оставаться равнодушной к тому, что происходило вокруг. Поэтому даже днем, когда она, как и положено, дремала, она всегда наполовину высывалась из

спаленки, и головка ее забавно покачивалась во сне. Но если в лагере что-то происходило, она тут же просыпалась и, преисполненная любопытства, принималась что-то щебетать.

Она не признавала никакой пищи, кроме молока, крутых яиц и бананов; иногда оказывала нам великую милость и съедала ящерицу. Насекомых она, судя по всему, очень боялась, а когда я предложил ей древесную лягушку, она взяла ее в лапу, понюхала и с отвращением отбросила, а затем резким движением вытерла лапу о стенку клетки. К вечеру она оживлялась и была готова к игре: скакала туда-сюда по своей клетке с сияющими глазами, напоминая мне лемуругалаго, которых я собирал в Западной Африке. Она ревновала нас к другим животным, особенно к еноту-ракоеду по имени Пух.

Пух был странным существом с большими плоскими ступнями и черными кругами вокруг глаз, что делало его похожим на куда более крупного зверя – большую панду. Надо сказать, у нашего Пуха было явно пессимистическое отношение к жизни, и ходил он с таким видом, будто его раздражает абсолютно все, что, однако, не мешало ему безобразничать. Нам приходилось особенно внимательно следить за его большими руками с длинными тонкими пальцами, поскольку он легко мог просунуть их сквозь прутья клетки и утянуть все, что находилось в пределах досягаемости. Он был даже любопытнее, чем обезьянка Кай, – ему непременно нужно было до всего дотянуться. Еще он любил часами лежать в углу клетки и задумчиво выщипывать волосы у себя на брюшке. Когда он сделался ручным, мы стали просовывать ему в клетку руки и играть с ним. А играть он любил так: легонько покусывал нам пальцы, переворачивался на спину и сучил в воздухе своими большими лапами. Когда же он окончательно приручился, мы сделали ему ошейник и

привязывали на длинной веревке к колышку, воткнутому на полянке посреди лагеря; поодаль на такой же веревке мы привязывали Кай.

Каждое утро, когда Пух замечал корзинку с едой, он принимался дико и жалобно орать, и нам с отчаяния приходилось давать ему что-нибудь, чтобы он заткнулся. Заметив это, Кай начинала выказывать свою ревность, и когда наставала ее очередь получать еду, она делала кислую мину, поворачивалась к нам спиной и демонстративно отказывалась от пищи. Как это ни странно, Кай несколько побаивалась Пуха, зато совсем не боялась двух молодых олешков, чей загончик находился неподалеку от того места, где был вбит ее колышек. Она часто подходила к самым прутьям клетки, и оленята с удивлением обнюхивали ее. Чего она боялась больше всего на свете, так это змей. Когда я принес в лагерь анаконду, о поимке которой рассказывал в предыдущей главе, и вынул из мешка для осмотра, Кай, сидевшая на полу своей клетки, тут же убралась к себе в спаленку, боязливо выглядывала оттуда через дверцу и испуганно фыркала.

Однажды утром, когда мы занимались чисткой клеток, к нам в лагерь пришел молодой индеец и предложил купить у него животное, – как он нам объяснил, это был лисенок. Подумав, что хорошо бы сперва взглянуть на него, мы попросили индейца принести его сегодня же, но чуть позже. День уже клонился к закату, а индейца все не было. Мы решили, что он обо всем забыл и что мы так и не получим этого лисенка. Каково же было наше удивление, когда на следующий день перед обедом он явился в лагерь, ведя за собой на поводке какого-то маленького зверька. Это и был долгожданный лисенок. С виду он напоминал щенка восточноевропейской овчарки и был так напуган, что готов был всех нас перекусать.

Мы поместили его в клетку, поставили полную миску мяса и такую же миску молока и, отойдя на несколько шагов, стали внимательно наблюдать за ним. Судя по всему, нашего Фокси – так мы называли лисенка – больше всего волновало, как бы войти в контакт с ручными животными, которые подходили к его клетке. Хотя мы кормили его до отвала, он так и норовил поохотиться на кого-нибудь посущественнее...

У нас было множество ручных птиц, которым дозволялось свободно летать по всему лагерю, но когда у нас появился лисенок, пришлось положить этому конец: нам надоело каждый раз, услышав у лисей клетки дикие крики, бросать все и кидаться на выручку какой-нибудь птицы-бедолаги, имевшей неосторожность подойти слишком близко. Позже, когда он сделался ручным, мы тоже стали привязывать его на веревке к колышку, хотя и на значительном расстоянии от Кай и Пуха.

К нашему удивлению, у Фокси откуда-то взялись собачьи привычки – стоило нам появиться, как он принимался надоедливо скулить, пока мы не уделяли ему внимания. А уж тогда он начинал с радостью плясать вокруг наших ног и вилять хвостом совсем не по-лисьи.

Результатом одной из наших поездок по деревушкам Парагвая явилось приобретение трех крупных зеленых попугаев, которые оказались страшными говорунами и проказниками. Сначала мы посадили всех троих в одну клетку, думая, что они там прекрасно уживутся. Как бы не так! Попугаи почти сразу же затеяли драку, да с таким страшным шумом, что мы вынуждены были пересадить зачинщика в отдельную клетку, думая, что это разрядит атмосферу. Но мы просчитались, поскольку один из оставшихся оказался еще большим хулиганом. Попугай все время пытался перегрызть сетку, и вот однажды ему это

удалось, и он с диким криком вылетел наружу. Конечно, оказался куда ловчее и быстрее нас, и сколько мы ни старались, он все-таки улетел по направлению к лесу, радостно крича и громко хлопая крыльями. Ну все, удрал, голубчик, подумали мы. Каково же было наше удивление, когда на следующее утро мы обнаружили его сидящим на крыше своей клетки и разговаривающим через проволоку со своим компаньоном. Когда мы открыли дверцу, попугай спешно влетел внутрь. Очевидно, он решил, что лучше уж неволя, где его кормят до отвала всякими разностями, чем вольная жизнь в лесу, где пищу еще надо добыть.

Незадолго до возвращения в Англию очередной индеец принес нам животное, которое оказалось самым восхитительным из всех, с кем мы имели дело. Это была самка большого муравьеда нескольких дней от роду. Мы окрестили ее Сара Хаггерзак, или Сара-мешочница, – она была в том возрасте, когда детеныши муравьеды повисают на спине у мамы, а поскольку мамы рядом не было, она любила повисеть на ком-нибудь из нас или, на худой конец, на мешке. Саре необходимо было ощущение того, что она за что-то держится. Стоило ссадить ее на землю, как она тут же начинала хватать вас за ноги, громко крича в знак протеста голосом дикого гуся, и при первой же возможности норовила вскарабкаться к вам на плечи и улечься воротником – ее излюбленная поза. А надо сказать, что коготки у нее весьма острые, и хватается она ими достаточно цепко, так что судите сами, сколь приятна эта процедура.

Сару мы кормили из бутылочки. В день она выпивала четыре бутылочки молока, но вскоре сама научилась пить из нее, всовывая в горлышко свой длинный, похожий на змею язычок и тут же втягивая обратно с каплями молока. Она росла не по дням, а по

часам, вскоре признала в нас приемных родителей и после каждой еды затевала продолжительные игры. Она любила, чтобы мы переворачивали ее на спину и щекотали ей брюшко. Если же поставить ее на задние лапы и пощекотать под мышками, она поднимет передние и сложит их над головой, точно одержавший победу боксер. А если подергать ее за хвост или слегка потыкать в ребра, она сама встанет на задние лапы и потом упадет вам на плечи, фыркая от удовольствия.

Когда я наконец вернулся в Англию, Сару, наряду с Кай и Пухом, определили в Пейнгтонский зоопарк, где она сделалась всеобщей любимицей. Последний раз я видел ее несколько недель назад. Я читал в Фестивал-Холле лекцию о собирании животных с показом цветного фильма о путешествии по Парагваю и Аргентине. Поскольку Сара была одной из звезд этого фильма, я попросил дирекцию зоопарка ненадолго отпустить ее со мной, чтобы зрители могли увидеть ее воочию. Дирекция дала любезное согласие, и вот в одно прекрасное утро Сара в сопровождении ухаживавшего за ней служителя зоопарка села в поезд. Когда она прибыла в Фестивал-Холл, ей предоставили заранее приготовленную гримуборную, словно великой артистке. Надо сказать, она очень хорошо себя вела, и к концу лекции моя супруга вывела ее на сцену. С большим успехом она проделала на сцене все свои фокусы, а в конце приковыляла к столу и почесалась об него. После этого к ней в гримуборную пришли многочисленные поклонники, и, судя по всему, успех вскружил ей голову – я получил из зоопарка сообщение, что в течение нескольких дней после триумфа она постоянно мучила служителя, не отпуская его от себя и категорически отказываясь оставаться одна в клетке. Я думаю, с полным правом можно сказать, что Сара – единственная в мире муравьедица-кинозвезда. Конечно, Сара Хаггерзак – не Сара Бернар, есть куда

более красивые звезды, но в чем ей действительно не откажешь, так это в глубоко личностном начале.

Наша экспедиция по Парагваю и Аргентине подошла к концу. Но стоит собирателю животных возвратиться из одной поездки, как он тут же замышляет другую. Так и я - пишу эти строки, а сам вынашиваю планы новой экспедиции. На этот раз я стремлюсь на Дальний Восток. Знаете ли, это так трудно - выбрать место, где собирать коллекцию. В мире столько чудесных уголков, населенных необыкновенными животными, что порою размышляешь несколько недель, прежде чем выберешь точку на карте.

Куда бы собиратель ни направил свои стопы, он должен помнить следующее. Многие из тех диких животных, что встретятся у него на пути, так просто в руки не дадутся. Но поймать редкое животное - это еще полдела: надо обеспечить ему надлежащие условия, чтобы оно выжило и хорошо себя чувствовало. Многие из них причиняют собирателю массу хлопот, а порою и огорчений, но с ними будет так интересно и забавно, что по возвращении на родину они станут для него не просто коллекцией, а самой настоящей семьей.

Примечания

Примечания

1.Зоопарк (англ.)

2.С тех пор как эта книга увидела свет, на карте Африки произошли значительные изменения. Британский Камерун как таковой уже не существует: большая часть его вошла в состав Нигерии, часть отошла образовавшемуся в 1960 г. независимому государству Камерун. Автор счел целесообразным оставить названия территорий без изменений. (Примеч. авт.)

3.Боулинг – спортивная разновидность кеглей

4.В настоящее время – независимое государство Кооперативная Республика Гайана. Британской же Гвиане, помимо уникальной природы, стяжали славу легендарные почтовые марки. (Примеч. пер.)

5.Название "гоацин" ацтекского происхождения. (Примеч. пер.)

6.Гаучо – этническая группа, сложившаяся в XVI-XVII вв. от браков испанцев с индейскими женщинами. (Примеч. пер.)

7.Подробнее об этом уникальном феномене см.: Жизнь животных. Т. 5. Птицы. М.: Просвещение, 1970. С. 54. (Примеч. пер.)